

ЛѢТОПИСЬ ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Объ участіи Харьковского общества въ открытіи Харьковского университета.

Проф. А. С. Лебедева.

(Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи въ университетскомъ залѣ для чествованія памяти В. Н. Каразина 8 ноября 1892 года).

Имя В. Н. Каразина, память котораго мы собрались теперь чествовать, неразрывно связано съ именемъ Харьковского университета. Ему принадлежала мысль объ учрежденіи въ Харьковѣ университета; онъ же съ изумительною настойчивостію, какую могла давать ему только его горячая любовь къ родинѣ и просвѣщенію, достигъ, наперекоръ всѣмъ препятствіямъ, и осуществленія ея—къ великой радости всего мѣстнаго населенія, съ замѣчательнымъ сочувствіемъ, въ значительной степени, нужно впрочемъ сказать, иль-же (Каразиннымъ) внушеннымъ, отнесшагося къ учрежденію въ Харьковѣ университета. Воодушевленное его пламенными рѣчами о тѣхъ выгодахъ—духовныхъ и матеріальныхъ,—какія могъ-бы доставить Харьковской губерніи учрежденный въ Харьковѣ университетъ, дворянство Харьковской губерніи жертвуетъ значительную сумму, въ 400,000 рублей, на устройство университета, изъявивъ въ протоколѣ засѣданія по этому предмету (1 сент. 1802 г.), что оно, „обративъ вниманіе на положеніе своего края, на нужды, тяготящія его среди изобилія природнаго, на представляемыя этимъ изобиліемъ удобства къ заведеніямъ всякаго рода, предметомъ своимъ избрало просвѣщеніе и полагаетъ учредить университетъ“. Въмѣстѣ съ этимъ оно приглашало—и не напрасно—къ пожертвованіямъ на этотъ предполагаемый университетъ дворянства и другихъ южныхъ губерній, выставляя имъ на видъ, что въ выгодахъ учрежденія университета въ Харьковѣ будутъ участвовать и они. Такимъ образомъ Екатеринославское дворянство постановило пожертвовать на учрежденіе этого университета 108,200 руб., Херсонское дворянство 40,500 р. По примѣру

дворянства Харьковской губерніи, и соревнуя ему, и горожане Харьковскіе, съ своей стороны, въ засѣданіи городской думы постановили: вносить въ пользу университета въ продолженіе 10 лѣтъ сумму, равную государственной подати, платимой ими съ капиталовъ, то есть—по одному проценту съ четвертью ежегодно, и половину откупной суммы, поступавшей въ пользу города,—мотивируя это постановленіе тѣмъ, что „независимо отъ тѣхъ благихъ вліяній, какія производитъ просвѣщеніе на жителей“, отъ учрежденія университета предвидятся и прямыя матеріальныя выгоды для города, какъ то: „умноженіе его населенности, распространеніе торговли и промысловъ, приращеніе въ оборотѣ денегъ“; причѣмъ добавлялось, что съ теченіемъ времени, „какъ благосостояніе города умножится, могутъ они и увеличить сумму взноса, или прибавить число лѣтъ“, и выражалась увѣренность, что „достаточные изъ купцовъ, независимо отъ тѣхъ, обязательныхъ по постановленію думы, взносовъ, готовы будутъ и на частныя взносы, отъ произволенія каждаго“. И эта увѣренность не была напрасною: извѣстно, на примѣръ, значительное пожертвованіе харьковскаго купца Аникѣева въ 3000 руб.—Подобнымъ же образомъ и уѣздные города Харьковской губерніи изъявляли готовность отчислять въ пользу университета половину, или двѣ трети откупной суммы, а равно также представляли отъ наиболѣе состоятельныхъ горожанъ и особыя жертвованія.—Общая сумма этихъ денежныхъ взносовъ и жертвованій на учрежденіе въ Харьковѣ университета отъ дворянъ и горожанъ Харьковской губерніи исчислялась въ 618000 руб. Не остались безучастными къ учрежденію въ Харьковѣ университета и Харьковскіе войсковые обыватели, пожертвовавшіе въ пользу университета 150 десятинъ земли—теперешній Университетскій садъ съ окрестностію. А войсковой обыватель Купянскаго уѣзда Юшва обязался пожизненно жертвовать на университетъ по 50 руб. въ годъ.—Но еще, быть можетъ, знаменательнѣе выразило свое сочувствіе зарождавшемуся университету—хотя и не денежными уже пожертвованіями—духовенство, особенно въ лицѣ самого епископа тогдашняго—Христофора Сулимы. При празднованіи открытія университета 17 января 1805 г., учредительная грамота университета торжественно, при колокольномъ звонѣ, внесена была въ соборный храмъ, гдѣ принялъ ее—предъ началомъ литургіи—самъ преосвященный и положилъ на особо приготовленный для нея аналой, на которомъ она и оставалась до конца службы. Въ концѣ литургіи преосвященный, до того времени никогда ни говорившій при торжественныхъ собраніяхъ проповѣдей, впервые нарушилъ молчаніе и произнесъ рѣчь о просвѣщеніи. Затѣмъ грамота, въ сопровожденіи преосвященнаго же и служившаго съ нимъ духовенства,

въ ихъ церковныхъ облаченіяхъ, перенесена была въ университетъ, гдѣ и положена была архіерейскими руками на предназначенное ей мѣсто. („Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе Императора Александра I-го“, *Сухомлинова*, въ его „Исслѣдованіяхъ и статьяхъ“... стр. 139—140). Лѣтъ 45 прежде, великій дѣятель и ревнитель просвѣщенія, Ломоносовъ, проектируя устройство университета въ С.-Петербургѣ, въ числѣ „привилегій“ будущаго университета находилъ необходимымъ поставить и такую, какъ условіе спокойной и безпрепятственной дѣятельности университета: „духовенству, къ ученіямъ, правду физическую для пользы и просвѣщенія показующимъ, не привязываться, а особливо не ругать наукъ въ проповѣдяхъ“. („Матеріалы для біографіи Ломоносова“, собранные *Биллярскимъ*, стр. 418). При открытіи Харьковскаго университета, представители наукъ и любители просвѣщенія, бывшіе на этомъ торжествѣ, имѣли великое утѣшеніе видѣть, какъ духовенство привѣтствовало, благословляло и, можно сказать, даже чествовало водворяющуюся науку; свое довѣріе и сочувствіе къ университетской наукѣ представитель духовенства, преосвященный Христофоръ Сулима, явилъ и потомъ, когда дозволилъ Харьковскимъ семинаристамъ посѣщать медицинскія лекціи въ университетѣ, особенно нуждавшіяся тогда въ слушателяхъ, не боясь для будущихъ служителей алтаря вреда отъ ученыхъ, правду физическую показующихъ. („Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе Императора Александра I-го“, *Сухомлинова*, въ его *исслѣдованіяхъ и статьяхъ* стр. 66). Такимъ образомъ, по инициативѣ В. Н. Каразина, при общемъ и дѣятельномъ сочувствіи всѣхъ слоевъ общества, начался Харьковский университетъ, теперь уже близъ столѣтія совершающій свою просвѣтительную миссію для края, Россіи, и, наконецъ, въ лицѣ наиболѣе выдающихся своихъ дѣятелей, имена которыхъ пользуются почетною извѣстностью въ ученomъ мѣрѣ и принадлежатъ уже всемірной исторіи просвѣщенія, несущій посильную лепту и въ общую сокровищницу человѣческихъ знаній! Значеніе этой просвѣтительной дѣятельности университета не нуждается въ доказательствахъ; доказывать его значило-бы возвращаться къ тому темному и давно минувшему времени, когда, скажемъ словами сатирика того времени—Кантемира, какой-нибудь—

„Критонъ съ четками въ рукахъ вздыхалъ и ворчалъ,
И просилъ, свята душа, съ горькими слезами
Смотрѣть, сколь сѣмя наукъ вредно между нами.

Ненуждаясь въ доказательствахъ полезности научнаго знанія, Харьковъ можетъ считать себя—только счастливымъ, что именно въ немъ

устроился такой просвѣтительный центръ, такъ высоко поднявшій значеніе города, и благословлять память лица, такъ много для этого дѣла потрудившагося.—А еще болѣе, конечно, долженъ благословлять—и благословляетъ—эту память самъ университетъ, усиліями этого лица созданный. Совершенно естественно поэтому, что именно здѣсь, въ университетской средѣ, и возникла впервые мысль, теперь, повидимому, близкая уже къ осуществленію, о сооруженіи памятника виновнику основанія Харьковскаго университета,—мысль, уже въ 1873 году такъ твердо и горячо высказанная профессоромъ Н. А. Лавровскимъ въ его актовой университетской рѣчи о В. Н. Каразинѣ. Совершенно понятно также и это, совершаемое теперь, всесловное чествованіе памяти В. Н. Каразина въ торжественномъ собраніи въ зданіи университета и по почину университета.

Да празднуется же свѣтло въ нашемъ соединенномъ и единствомъ настроенія объединенномъ собраніи эта дорогая для всѣхъ насъ память неутомимаго, для блага земли родной, радѣтеля просвѣщенія, вдохновляя и насъ къ тому добру, которому онъ былъ неустанный служитель!

Просвѣтительная дѣятельность Василя Назаровича Каразина (1773—1842 г.).

Проф. Д. И. Багалъя.

(Рѣчь, сказанная 8 ноября 1892 г., по случаю 50-ти-лѣтія со дня кончины Каразина *).

4-го ноября исполнилось 50 лѣтъ со дня кончины В. Н. Каразина. Только теперь въ сознаніе русскаго образованнаго общества понемногу начинаетъ проникать мысль, что это былъ чрезвычайно выдающійся общественный дѣятель, что имъ можетъ и должна будетъ гордиться его родина—Харьковская губ. Но самый характеръ Каразина настолько сложный, отзывы современниковъ о немъ столь разнообразны, что разобратъ въ нихъ не легко и полной оцѣнки его личности мы до сихъ поръ не имѣемъ, несмотря на то, что существуетъ нѣсколько недурныхъ монографій о его жизни и дѣятельности.

Въ настоящей бесѣдѣ я постараюсь на основаніи печатныхъ *первоисточниковъ* и пособій, а также нѣкоторыхъ неизданныхъ еще матеріаловъ, очертить *одну*, но самую важную сторону въ жизни В. Н. Каразина—его *просвѣтительную* дѣятельность—и затрону другія только мимоходомъ. Нужно впрочемъ замѣтить, что то былъ фокусъ, гдѣ сосредоточивались всѣ его помыслы, надежды, начинанія, попеченія объ общемъ благѣ.

Всю свою жизнь В. Н. Каразинъ посвятилъ самообразованію, научнымъ изслѣдованіямъ, практическому примѣненію ихъ къ жизни и, наконецъ,—что самое важное—распространенію просвѣщенія въ обществѣ. Это былъ страстный ревнитель просвѣщенія, томимый вѣчною жаждою знанія, преданный ему съ пылкостью даровитаго талантливаго автодидакта. Обладая быстрымъ подвижнымъ, легко схватывающимъ умомъ, онъ, не окончивъ никакой школы, путемъ самообразованія, достигъ того, что могъ работать въ нѣкоторыхъ областяхъ знанія впол-

*) Эта рѣчь была произнесена въ сокращенномъ видѣ, а теперь печатается полностью и съ примѣчаніями. *Ред.*

нѣ самостоятельно. За горячую любовь къ знанію друзья называли его украинскимъ Ломоносовымъ. И дѣйствительно: отнюдь не приравнивая Василя Назаровича къ великому самородку сѣвера, можно отмѣтить въ характерѣ дѣятельности того и другаго нѣкоторыя сходныя черты—жажду знанія, добываемаго по большей части самостоятельно, благоговѣніе къ наукѣ, стремленіе къ распространенію ея въ обществѣ, энциклопедизмъ образованія, творческій изобрѣтательный умъ и вѣру въ самобытныя силы русскаго человѣка. Эта жажда знанія направила его въ горный корпусъ (лучшее изъ тогдашнихъ казенныхъ учебныхъ заведеній), гдѣ онъ въ продолженіе долгаго времени слушалъ лекціи и откуда вынесъ любовь къ естественнымъ наукамъ. Эта жажда свѣта увлекла его въ путешествіе по Россіи, а потомъ и въ Западную Европу, которая уже была ему извѣстна по книгамъ: онъ прекрасно владѣлъ французскимъ, нѣмецкимъ и отчасти даже латинскимъ языками и былъ начитанъ въ иностранной литературѣ. Въ Европу впрочемъ онъ не попалъ: на самой границѣ его остановила русская пограничная стража. Извѣстно, что отлучаться за границу можно было тогда только по особому Высочайшему соизволенію; Василю Назаровичу было отказано въ немъ—и онъ рѣшился тайно проникнуть туда. Съ цѣлью предупредить и парализовать донесеніе мѣстнаго начальства, онъ отправилъ съ эстафетой Государю письмо, въ которомъ, по одной редакціи ¹⁾, было такое выраженіе: „я не имѣлъ нужды спасаться бѣгствомъ; оно будетъ загадкою для моихъ слѣдователей. *Я бѣжалъ учиться!*“ Письмо оказало желаемое дѣйствіе: Императоръ Павелъ потребовалъ къ себѣ смѣльчака, простилъ его и предоставилъ ему самому выборъ службы. Онъ поступилъ къ Троцинскому коллежскимъ переводчикомъ (тутъ ему пригодилось знаніе языковъ)—и немедленно сталъ собирать въ архивахъ матеріалы по исторіи финансовъ и медицины въ Россіи. Недавно опубликованы новыя данныя, относящіяся къ этому періоду его жизни ²⁾. Оказывается, что онъ ѣздилъ въ Москву и работалъ тамъ въ нын. Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Впослѣдствіи Императоръ Александръ I-й покровительствовалъ этимъ занятіямъ и рекомендовалъ Каразина вниманію московскаго генераль-губернатора Салтыкова въ такихъ выраженіяхъ: „онъ мнѣ лично извѣстенъ съ хорошей стороны, почему и пріятно мнѣ поручить его въ ваше особенное благорасположеніе“. Въ это время уже произошелъ извѣстный *случай*, выдвинувшій Василя Назаровича, сдѣлавшій его личнымъ другомъ и довѣреннымъ лицомъ юнаго Александра, поставившій его, можно сказать, у подножія трона. Это было смѣлое и откровенное письмо ³⁾ его къ Государю, содержавшее цѣлую программу царствованія въ духѣ довѣрія къ обще-

ственному мнѣнію. Императоръ велѣлъ разыскать автора письма (безъ подписи оно было положено въ кабинетъ государя), принялъ, обнялъ его и повелъ бесѣду о вопросахъ, затронутыхъ теоретикомъ-реформаторомъ.

Съ этого момента начинается 1-й *петербургскій* періодъ дѣятельности Василя Назаровича Каразина на пользу просвѣщенія; съ нимъ впрочемъ тѣсно сливается и 2-й—*харьковскій*, ибо, состоя на службѣ въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, онъ въ то же самое время принималъ живѣйшее участіе и въ основаніи Харьковского университета; затѣмъ съ 1804 г. начинается третій періодъ—*деревенскій*, когда онъ сталъ проживать почти исключительно въ деревнѣ Кручикѣ и заниматься тамъ научными опытами.

Уже въ 1-мъ своемъ письмѣ къ Императору Александру I Каразинъ ясно высказалъ свой взглядъ на значеніе просвѣщенія въ народной жизни. По его мнѣнію, народное воспитаніе должно было явиться первою и главною задачею государя. „Какъ наисовершеннѣйшіе законы, писалъ онъ, останутся бесполезными въ народѣ развращенномъ и чуждыми смысла въ народѣ невѣждѣ, то безъ сомнѣнія обратитъ онъ (Императоръ) всю свою внимательность на *воспитаніе* своихъ подданныхъ, соотвѣтственно мѣстнымъ и личнымъ потребностямъ каждаго. Верховное поученіе объ этомъ предоставитъ онъ сословію блюстителю законовъ, а оно будетъ дѣйствовать посредствомъ людей, имѣющихъ надъ народомъ наиболѣе нравственной силы. Духовенство употребится на просвѣщеніе народа и на сей конецъ предварительно само будетъ просвѣщено: учредятся для него гимназіи, удаленныя отъ тяжелыхъ началъ древней схоластики, и отличія представлятся..... тѣмъ, которые докажутъ опытами вліяніе, какое они имѣли на благонравіе своихъ паствъ, тѣмъ, которые, учредивъ училища, нелѣпно преподавать въ нихъ будутъ чистое ученіе Христово и *своимъ примѣромъ* наставлять должностямъ челоуѣка и гражданина“⁴⁾. Такимъ образомъ, Каразинъ хотѣлъ предоставить дѣло народнаго образованія тѣмъ сословіямъ, которыя въ то время могли считаться *единственно* образованными; но для духовенства онъ считалъ необходимымъ учредить гимназіи, чтобы отвлечь его отъ семинарской замкнутости и схоластики. Такой же восторженный взглядъ на просвѣщеніе онъ высказывалъ и позже; въ письмѣ къ доктору Реману онъ, напримѣръ, говоритъ слѣдующее: „народное просвѣщеніе! Какое прекрасное выраженіе!... Если что либо можетъ обезпечить незыблемость безмѣрнаго пространства Россіи, то это только просвѣщеніе ея народовъ. Если что либо можетъ сдѣлать ее истинно независимою отъ всякаго внѣшняго давленія,—какъ бы

громодно оно ни было—то это опять таки только просвѣщеніе. Министерство военное, министерство иностранныхъ дѣлъ и всякое другое служатъ другъ другу только какъ части одного общаго управленія; они работаютъ только для настоящаго. Министерство же просвѣщенія должно бы вліять на дѣятельность всѣхъ другихъ, имѣя само въ предметѣ удивленіе и признательность вѣковъ грядущихъ⁵⁾. Конечно, тутъ есть преувеличеніе: не одно Министерство Народнаго Просвѣщенія работаетъ для будущаго, а и нѣкоторыя другія. Но мысль, что *истинное* величіе государства немислимо безъ успѣховъ просвѣщенія, едва ли можетъ вызвать возраженія; а проектъ поставить Министерство Народнаго Просвѣщенія выше всѣхъ другихъ—служить лучшимъ доказательствомъ его горячаго желанія, чтобы Россія поскорѣе сравнялась въ отношеніи просвѣщенія съ западомъ. Огромное значеніе въ этомъ дѣлѣ онъ придавалъ творческимъ силамъ государства, которое, по его мнѣнію, должно было опереться на единственно образованные въ то время общественные слои (дворянство и духовенство). Не меньше успѣховъ онъ ждалъ и отъ живой общественной самостоятельности; ее онъ постоянно проповѣдывалъ и въ своихъ запискахъ, и въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ. Наболѣе подробно онъ изложилъ свои мысли по этому вопросу въ рѣчи „Объ ученыхъ обществахъ и періодическихъ сочиненіяхъ“, прочитанной въ 1820 году въ петербургскомъ обществѣ любителей словесности⁶⁾. Она ясно показываетъ, какія широкія задачи В. Н. Каразинъ ставилъ современной ему русской литературѣ въ дѣлѣ просвѣщенія Россіи. Наболѣе видная роль въ народномъ воспитаніи, говоритъ онъ тутъ, принадлежитъ правительству; „но не обязаны ли и мы ему вспомоществовать? Кто станетъ утверждать противное, тотъ въ душѣ своей рѣшительно отрицаетъ у насъ сладкія обязанности гражданина и сына отечества“. Есть два средства для распространенія просвѣщенія: одно правительственное—школа, другое, доступное и частнымъ лицамъ, публичное наставленіе, дѣйствующее на общественное мнѣніе; его и должна давать литература. „Теперь, когда публика требуетъ занятій, болѣе мужественныхъ, нежели мадригалы и вздохи сказочныхъ любовниковъ, какое впечатлѣніе произведемъ мы на нее поэзіей, которая только что поэзія, прозою, которая не представляетъ уму никакихъ новыхъ полезныхъ истинъ“. Легкія стихотворенія и невинные романы пусть останутся домашнею забавою молодежи; но литературныя и ученныя общества не должны преподносить публикѣ этихъ дѣтскихъ упражненій. „Они должны дѣйствовать на сердца, на умы согражданъ своихъ. Они должны вспомоществовать, соревновать заведеніямъ, на сіе отъ державной воли устроеннымъ; скажу болѣе: они должны пре-

взойти ихъ въ дѣятельности, буде возможно, стараться вознаградить, если что ими упускается... Не обязаны-ль они разливать полезныя знанія, образовывать вѣусъ, дѣйствовать на нравы? Сколько вызововъ представляется къ сношеніямъ между собою отдаленнѣйшихъ другъ другу неизвѣстныхъ краевъ обширной имперіи! Сколько въ ней любопытнаго, заслуживающаго быть извѣстнымъ не намъ только однимъ, но и чужестранцамъ, готовымъ немедленно воспользоваться нашими новостями, еслибъ онѣ явились! Сколько побудительныхъ причинъ! Какъ, мил. гос., науки естественныя, домоводство, искусства, издѣлія всѣхъ родовъ у насъ младенествуютъ въ сравненіи съ тѣмъ, что мы видимъ у прочихъ народовъ, у сѣвероамериканцевъ даже, которые не составляли еще и народа даже, когда мы имѣли уже Екатерину! А у насъ въ цѣлой Россіи нѣтъ ни одного періодическаго сочиненія для всѣхъ оныхъ предметовъ, столько необходимыхъ, сколько и занимательныхъ!

Дворянство, живущее въ деревняхъ, тщетно обращаетъ взоры свои на обѣ столицы, добрые горожане отдаленныхъ уѣздовъ, не имѣя библиотекъ, ждуть почты съ журналами нашими, какъ путникъ въ томящей зной зачеринутой изъ ключа воды. А мы будемъ преподавать всѣмъ имъ шарады на гор—охъ, соблазнительные элегіи и стихи въ альбомы. вмѣсто того, чтобы описывать въ десятитысячный разъ восходъ солнца, пѣвіе птичекъ, журчаніе ручейковъ, употребимъ тѣ-же дарованія, то-же счастливое воображеніе на предметы болѣе дѣльные. Взявъ за образецъ Бюффона, вмѣсто путешествій небывалыхъ опишемъ лучше путешествіи дѣйствительно совершенныя въ нѣдрахъ отечества нашего, исчислимъ естественныя произведенія Россіи, опишемъ нравы ея разнообразныхъ обитателей..., углубимся въ исторію. И въ поэзи предъ нами открыто обширное поле; только нужно оставить подражаніе и идти по стопамъ Ломоносова, Державина, и нѣкоторыхъ другихъ“. Изъ этого мы видимъ, что литературу В. Н. Каразинъ понималъ очень широко, разумѣя подъ нею и словесность, и науку. Понятное дѣло, что съ этой точки зрѣнія тогдашніе книги и журналы его не удовлетворяли. Его мысль о необходимости изученія Россіи во всѣхъ отношеніяхъ заслуживаетъ, конечно, полнаго сочувствія съ нашей стороны. Такимъ образомъ, и здѣсь Василій Назаровичъ сталъ реформаторомъ, будилъ мысль, возставалъ противъ косности и неподвижности, высказалъ свѣтлый взглядъ на вещи и—что самое важное—самъ именно дѣйствовалъ такъ, какъ совѣтовалъ другимъ; слово у него не расходилось съ дѣломъ.

Таковъ былъ человѣкъ, которому Императоръ Александръ поручилъ обработку общихъ вопросовъ образованія въ Россіи и устройство практической системы воспитанія ея гражданъ; таковы были *теоретическіе*

взгляды его на просвѣщеніе—на задачи министерства народнаго просвѣщенія и литературы. *Практическая* дѣятельность его была непродолжительна, хотя она всетаки оставила замѣтный слѣдъ въ исторіи высшаго образованія въ Россіи. В. Н. Каразину принадлежит *идея объ особомъ* министерствѣ народнаго просвѣщенія (какого тогда не было еще въ Европѣ); онъ же составилъ и первоначальный проектъ его, который, впрочемъ, подвергся значительному измѣненію. Здѣсь имѣло мѣсто то, что повторялось потомъ со всѣми планами и проектами Каразина: они были слишкомъ грандіозны и не совсѣмъ приспособлены къ условіямъ дѣйствительной жизни. Во вновь учрежденномъ министерствѣ народнаго просвѣщенія на долю Василя Назаровича выпала *орнизаціонная* работа; имъ главнымъ образомъ были начертаны и редактированы „правила народнаго образованія“, составлялись проекты университетскихъ и академическихъ уставовъ. О практическихъ работахъ въ министерствѣ свидѣтельствуетъ фактъ назначенія его правителемъ дѣлъ „главнаго правленія училищъ“, членами котораго были будущіе попечители вновь созданныхъ учебныхъ округовъ (Муравьевъ, Новосильцевъ, Потоцкій...) и академики. Въ это время, по мысли Каразина, былъ созданъ оффиціальный органъ министерства, носившій названіе—„Ежемѣсячныя сочиненія объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія“ 7).

Къ сожалѣнію, эта дѣятельность Каразина продолжалась только 2—3 года. Съ точки зрѣнія тогдашняго министра Народнаго Просвѣщенія гр. Завадовскаго Василій Назаровичъ былъ плохимъ чиновникомъ. Графъ не любилъ Каразина и не могъ ему простить рѣзкихъ отзывовъ о себѣ въ письмахъ къ государю. Воспользовавшись нѣкоторыми промахами Каразина въ дѣлѣ устроенія Харьковскаго университета (злосчастнымъ эпизодомъ о художникахъ), онъ нанесъ ему разомъ двойной ударъ: остранилъ отъ службы въ министерствѣ и отъ участія въ дѣлахъ Харьковскаго университета. Конечно, огромное значеніе имѣло здѣсь то обстоятельство, что Императоръ Александръ охладѣлъ къ своему бывшему любимцу; не будь этого, никакія интриги противниковъ не пошатнули бы его положенія. Все это произошло въ концѣ 1804 года за нѣсколько мѣсяцевъ до оффиціального открытія Харьковскаго университета.

Устраненіе отъ университетскихъ дѣлъ было особенно чувствительно для Василя Назаровича, ибо онъ смотрѣлъ на университетъ какъ на свое родное дѣтище. И виновникомъ основанія Харьковскаго университета нужно дѣйствительно признать Василя Назаровича Каразина. *Ему первому принадлежитъ мысль объ основаніи университета въ Харьковѣ.* Уже въ началѣ 1802 года онъ былъ всецѣло занятъ ею,

какъ это видно изъ письма его къ харьковскому священнику Фотіеву (отъ 2 мая 1802 года)⁸⁾. „Бывъ удостоенъ, пишетъ онъ тутъ, вскорѣ по возвращеніи своемъ въ Петербургъ бесѣды добраго государя, осмѣлился я сказать ему идею о заведеніи въ Харьковѣ университета, который былъ бы образованъ лучше Московскаго и достоинъ бы называться средоточіемъ просвѣщенія полуденной Россіи. Идея моя принята съ благоволеніемъ и я принялся было уже за начертаніе плана къ нему“. Очевидно, что мысль объ учрежденіи университета въ Харьковѣ у него зародилась вскорѣ послѣ перваго письма къ Императору Александру и была логическимъ послѣдствіемъ его широкихъ просвѣтительныхъ плановъ. Руководили имъ въ этомъ дѣлѣ самыя *чистыя побужденія*—любовь къ своему родному краю и Харькову. „Любимая его Малороссія, говоритъ его сынъ, пришла ему прежде всего на мысль, какъ край, гдѣ до того времени не было ни одного высшаго училища“. Объ этомъ же свидѣтельствуютъ его письма къ священнику Фотіеву и кн. Чарторысскому. „Сія мысль (объ университетѣ) пишетъ онъ Фотіеву, заняла всю мою душу и я ожидаю только согласія общества дворянъ, чтобы дѣйствовать. Не для чего описывать пользу сего учрежденія и славу, которая отъ сего дня нашей отчизны Украины произтекти имѣтъ... Сердце радуется, представляя вліяніе, какое произведетъ сіе учрежденіе на край нашъ во всѣхъ отношеніяхъ—моральныхъ, физическихъ и политическихъ. Харьковъ процвѣтетъ въ самое короткое время и будетъ имѣть честь доставлять просвѣщеннѣйшихъ сыновъ отечеству, которые во всѣ состоянія разольютъ пользу, счастье и ту дѣятельность духа, которая творитъ прямыхъ гражданъ“⁹⁾. „Князь! писалъ онъ Чарторысскому, вамъ извѣстно отчасти, до какой степени разстроено мое состояніе безумными усиліями содѣйствовать блистательно къ просвѣщенію и процвѣтанію Украины, моей родины. Мнѣ больно было видѣть ее, богатую и дарами природы, и талантами ея обитателей, въ поруганіи и презрѣніи; и я возмечталъ, что одного моего рвенія и скудныхъ моихъ средствъ достаточно на то, чтобы уничтожить преграды, поставляемыя къ ея успѣхамъ“¹⁰⁾. Съ этимъ признаніемъ Василя Назаровича вполне согласуется то, что онъ говорилъ харьковскому дворянству, убѣждая его сдѣлать пожертвованіе для открытія въ Харьковѣ университета.

Слово у Василя Назаровича не расходилось съ дѣломъ: подавъ идею объ учрежденіи университета въ Харьковѣ, онъ съ изумительною настойчивостью старается привести ее въ исполненіе. Въ теченіе почти трехъ лѣтъ продолжается его *практическая дѣятельность* на этомъ полѣ. Съ беззавѣтнымъ увлеченіемъ онъ ведетъ дѣло отъ начала до

конца, идя впереди всѣхъ, участвуя не только во всѣхъ главныхъ дѣйствіяхъ, но и въ мелочахъ. Онъ пользуется съ одной стороны своимъ вліятельнымъ положеніемъ „правителя дѣлъ главнаго правленія училищъ“, а съ другой—и это главнымъ образомъ—своими связями съ харьковскимъ обществомъ. Харьковъ, самъ по себѣ, никогда бы не получилъ такъ рано университета, если бы В. Н. Каразинъ не добился общественнаго пожертвованія на университетъ. Чтобы заинтересовать мѣстное общество въ своемъ проектѣ, онъ явился въ Харьковъ и здѣсь въ собраніи дворянъ прочиталъ составленное имъ „предначертаніе“ объ университетѣ. По „предначертанію“ Каразина, Харьковскій университетъ долженъ былъ представлять изъ себя соединеніе нѣсколькихъ высшихъ, среднихъ и низшихъ школъ—академію художествъ, военную, инженерную, духовную, университетъ, высшую гимназію и два профессиональных училища. Онъ долженъ былъ явиться вполне *общественнымъ* учрежденіемъ, на подобіе нынѣшнихъ свободныхъ университетовъ Швеціи, Америки, Англій; казна на него въ сущности не должна была затрачивать ничего ¹¹⁾.

Спрашивается, имѣлъ ли основаніе Каразинъ рассчитывать на сочувственное отношеніе харьковскаго общества къ дѣлу просвѣщенія вообще и къ своему проекту въ частности; другими словами, мы ставимъ вопросъ: были ли какія нибудь просвѣтительныя теченія въ Харьковскомъ краѣ во 2-й половинѣ XVIII и самомъ началѣ XIX вѣка и нельзя ли доказать фактически ихъ вліянія на успѣхъ предпріятія В. Н. Каразина. Мы рѣшаемъ этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ и вотъ на основаніи какихъ данныхъ. Обращая вниманіе на фамиліи лицъ, оказавшихъ наиболѣе рвенія къ плану Каразина, мы замѣчаемъ, что одни изъ нихъ (Квитка, Ковалевскій, городской голова Урюпинъ) были духовными учениками Гр. Саввича Сквороды, другіе принадлежали къ литературному кружку сумскаго помѣщика А. А. Палицына (кромѣ В. Н. Каразина, самъ Палицынъ, Ушинскій, Гр. Ром. Шидловскій). Сфера вліянія Сквороды захватывала *всю* тогдашніе общественныя слои—и помѣщиковъ, и горожанъ, и военныхъ обывателей (бывшихъ казаковъ) и даже посполитыхъ (крестьянъ). Харьковскій купецъ Урюпинъ, бывший городскимъ головою и сильно способствовавшій дѣлу пожертвованія на университетъ со стороны городского общества, состоялъ въ очень дружескихъ отношеніяхъ съ Гр. Сав. Сквородой. Даже нѣкоторые изъ членовъ Палицынскаго кружка не остались свободными отъ вліянія „старчика“ Сквороды. Сверхъ того въ томъ же просвѣтительномъ направленіи дѣйствовало цѣлое учрежденіе—Харьковскій коллегіумъ, ибо доступъ въ него былъ открытъ и для дѣтей свѣтскихъ

лицъ. Сковорода и коллегіумъ дѣйствовали параллельно, въ одномъ направленіи, культивируя школьную мудрость, создавая культъ науки въ Украинѣ. Правда, это была не та европейская наука, которая появилась у насъ съ основаніемъ университета; это была старая западно-русская латинская образованность съ схоластическимъ оттѣнкомъ; но она не была чужда мѣстному обществу: это послѣднее принесло ее съ собою изъ заднѣпровья.

Съ другой стороны начала оказывать замѣтное вліяніе на высшее Харьковское общество европейская образовательная стихія. Она нашла себѣ пріютъ преимущественно въ Сумскомъ уѣздѣ. Среди сумскихъ дворянъ еще въ 1767 году возникла мысль объ основаніи въ Сумахъ университета. Тутъ же образовался и литературный кружокъ А. А. Палицына. Александръ Александровичъ Палицынъ былъ извѣстный харьковскій писатель и архитекторъ. По словамъ самого В. Н. Каразина, „ему обязаны мы большею частью началами европейскаго быта на Украинѣ“. Его селеніе Поповка носила полушуточное полусерьезное названіе Поповской Академіи. Всѣ члены этого кружка воспитались на произведеніяхъ просвѣтительной французской литературы конца прошлаго вѣка и были приверженцами новаго западно-европейскаго образованія ¹²⁾.

Такимъ образомъ, не совсѣмъ былъ правъ Н. А. Лавровскій, утверждавшій, что Харьковскій университетъ осѣлъ „на почти непочатой и не совсѣмъ привѣтливой почвѣ“. Почва для дѣятельности В. Н. Каразина была въ значительной степени подготовлена. Конечно, говоря это, мы нисколько не умалняемъ подвига В. Н. Каразина, а только вводимъ его въ условія тогдашней дѣйствительности, возстановляемъ характеръ окружавшей его среды. Въ этой средѣ были и прогрессивные элементы, и инертная масса, и люди, по выраженію Филадельфа Васильевича Каразина, бѣгавшіе отъ одного имени „просвѣщеніе“. Василій Назаровичъ былъ самый передовой и энергичный человекъ въ партіи прогрессистовъ; онъ былъ вождемъ ея: за нимъ шли и Палицынъ, и всѣ остальные. На его долю выпала чрезвычайно трудная задача—склонить однихъ, побѣдить равнодушіе другихъ, преодолѣть противодѣйствіе третьихъ. И онъ блистательно вышелъ изъ затрудненія: пылкая, горячая рѣчь, носившая на себѣ яркій отпечатокъ его характера, воодушевила дворянство на патріотическое пожертвованіе 400,000 рублей; вслѣдъ затѣмъ откликнулись на призывъ харьковскіе купцы, граждане и войсковые обыватели, а также дворяне сосѣднихъ губерній; одни (дворяне) давали отъ своихъ имуществъ, другіе (купцы) отъ промысловъ, третьи (войсковые обыватели) пожертвовали землю, которую

предки ихъ отвоевали и грудью защищали отъ татаръ. Сумма всѣхъ денежныхъ сборовъ достигла 618,000 руб. ¹³⁾. Такими огромными пожертвованіями выразили свое сочувствіе къ учрежденію университета въ Харьковѣ *все* сословія и этимъ доказали свою любовь къ просвѣщенію. Результатомъ же пожертвованій было Высочайшее соизволеніе на открытіе Харьковского университета.

Теперь предстояла вторая не менѣе трудная часть задачи: *дѣйствительно открыть университетъ*. И здѣсь дѣло было доведено до благополучнаго окончанія, благодаря между прочимъ энергичному и постоянному участію въ немъ В. Н. Каразина: не будь его, оно могло бы совсѣмъ заглухнуть или по крайней мѣрѣ затянуться на многіе годы. Въ этотъ рѣшительный моментъ оказалась какъ нельзя болѣе кстати энергія Каразина, изумительная его настойчивость, которую иные готовы были называть назойливостью. Положеніе усложнялось тѣмъ, что Государь замѣтно охладѣлъ въ это время къ своему бывшему любимцу и благодаря этому сановные друзья его оставили, а враги всячески вредили его начинаніямъ. Каразинъ обращался съ письмами къ министру внутреннихъ дѣлъ и самому Государю. Онъ велъ переговоры съ русскими и заграничными учеными, приглашая ихъ на службу въ новый университетъ; онъ заботился о привлеченіи сюда студентовъ. Вмѣстѣ съ Тимковскимъ онъ принималъ живѣйшее участіе и въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ; слѣды его дѣятельности видны всюду, во всѣхъ подробностяхъ дѣла. Онъ выдавалъ авансы изъ собственныхъ средствъ на расходы, не терпящіе отлагательства, онъ поручилъ своему довѣренному лицу Шишкину готовить зданія подъ будущій университетъ, оставилъ ему деньги на расходы, уполномочилъ заключать его именемъ письменные договоры, самъ составлялъ библіотеку и типографію для университета, отпавляя изъ Петербурга цѣлые возы книгъ, выписывалъ изъ-за границы инструменты и приборы, приобрѣталъ коллекціи и, наконецъ, прислалъ въ Харьковъ цѣлую колонію мастеровъ, которые впоследствии причинили ему множество хлопотъ. Даже съ учрежденіемъ университетскаго комитета (11 апр. 1804 г.), Каразину была предоставлена практическая дѣятельность по части устройства университета и она продолжалась вплоть до Высочайшаго выговора, объявленнаго ему гр. Завадовскимъ за злосчастное дѣло о мастерахъ. Здѣсь обнаружились обычные свойства характера Каразина—изумительная энергія съ одной стороны и непрактичность съ другой; первая несомнѣнно принесла огромную пользу дѣлу, а вторая вызвала неудовольствія, нареканія и послужила ближайшимъ поводомъ для устраненія его отъ того предпріятія, которое онъ съ полнымъ основаніемъ считалъ своимъ излюбленнымъ

дѣтищемъ. Ему страстно хотѣлось видѣть вѣнецъ дѣла и онъ всячески торопилъ Тимковскаго; составилъ даже церемоніаль открытія университета, который впрочемъ остался только достоиніемъ архива. Открытіе университета совершилось безъ него, „безъ виновника его бытія“—положеніе прискорбное для одной стороны, глубоко обидное для другой!

Послѣ всего сказаннаго мы въ правѣ заявить, что В. Н. Каразинъ былъ истиннымъ виновникомъ основанія университета въ Харьковѣ; благодаря ему состоялись пожертвованія, а пожертвованія повели за собою назначеніе для новаго университета г. Харькова. Мы имѣемъ прямое официальное признаніе этой связи между пожертвованіями и основаніемъ университета въ утвердительной университетской грамотѣ (отъ 5-го ноября 1804 г.)¹⁴); здѣсь прямо говорится, что пожертвованіе харьковскаго дворянства и горожанъ *ускорило* устроеніе въ Харьковѣ университета. Харьковское дворянство также открыто признало инициативу въ этомъ дѣлѣ В. Н. Каразина; объ этомъ ясно свидѣтельствуемъ найденное мною въ архивѣ Депут. Собранія похвальное свидѣтельство (отъ 1-го сент. 1802 г.), въ которомъ буквально говорится слѣдующее: „слободско-украинское губернское дворянство въ полномъ собраніи, рассмотрѣвъ представленное ему отъ депутата своего г. коллежскаго совѣтника Василя Назаровича Каразина предначертаніе о заведеніи въ г. Харьковѣ университета, согласно съ общимъ желаніемъ всего края, въ изъявленіе благодарственныхъ своихъ чувствъ за такую о просвѣщеніи ревность и ходатайство испросить Высочайшаго соизволеніе, даетъ ему, г. Каразину, какъ почтенному по его просвѣщенію и усердію къ общему благу, сочлену своему, похвальное свидѣтельство за подписаніемъ предводителей и депутатовъ дворянства (затѣмъ идутъ подписи)¹⁵). Такое же сознаніе мы встрѣчаемъ и у частныхъ лицъ—ближайшихъ свидѣтелей его плодотворной дѣятельности. Ректоръ Дерптскаго университета проф. Парротъ, которому Василій Назаровичъ сообщил свое предначертаніе, прямо приписываетъ ему патриотическую идею учрежденія въ Харьковѣ высшаго училища¹⁶). Харьковский профессоръ Роммель называетъ его „истиннымъ основателемъ Харьковскаго университета“¹⁷). А вотъ что писалъ Каразину извѣстный уже намъ священникъ Фотіевъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ бывшейся, наконецъ, общей мечты—торжественнаго открытія университета: „17 января (1805 г.) исполнилось наше желаніе и ревностное попеченіе о благѣ общемъ. Великое собраніе дворянъ и гражданства изъ другихъ губерній было поражено удовольствіемъ и радостію; самые зоиы въ восторгѣ духа искали васъ, спрашивали и признавались, что счастьемъ симъ, сверхъ всякаго чаянія, Украина вамъ единственно обязана. Тѣжь,

кои вамъ преданы, коимъ сердечныя чувства и намѣренія ваши извѣстнѣ прочихъ, съ восхищеніемъ благословляли ваше имя. Итакъ, если упрямая судьба воспрепятствовала насладиться торжественнымъ открытіемъ предпріятій вашихъ, яко первому виновнику, то конечно неззорная совѣсть утѣшить васъ не токмо въ послѣдующее время, но и нынѣ исполненіемъ такого намѣренія, которое сдѣлаетъ славу и честь отдаленнѣйшему потомству“¹⁸⁾. Эта мысль о В. Н. Карзинѣ, какъ виновникѣ основанія университета въ Харьковѣ, не только не ослабѣла съ теченіемъ времени, но еще болѣе уяснилась въ общественномъ сознаніи и—что самое важное—получила очень знаменательное выраженіе въ самой университетской средѣ. Еще 10 іюня 1805 г. внесено было проф. Балленъ де Баллю предложеніе въ совѣтъ о выборѣ Василя Назаровича въ почетные члены университета, но признано неблаговременнымъ. Выборы состоялись только въ 1811 году и сопровождались слѣдующею замѣчательною мотивировкою: „ad hunc virum eligendum senatus, praeter eximias cognitiones, quibus excellit, etiam quodam grati animi sensu impulsus est, quia ejus singulari industriae et labori inacceptis referendum est, quod universitas Charkoviae sit constituta“, т. е. совѣтъ подвинуть былъ къ выборамъ этого мужа, кромѣ выдающихся познаній, которыми онъ отличается, еще также чувствомъ благодарности, потому что единственно его старанію и труду нужно приписать учрежденіе въ Харьковѣ университета¹⁹⁾. Этого мало: въ 1833 году Харьковскій университетъ еще разъ осязательно выразилъ свою признательность виновнику своего существованія. Въ виду страшно стѣснительныхъ его матеріальныхъ обстоятельствъ (онъ долженъ былъ уплатить къ опредѣленному сроку графу Подгоричани 2384 руб.), профессора и преподаватели Харьковскаго университета собрали между собою и внесли за него въ гражданскую палату 1280 руб. „движимые сердечною благодарностью и уваженіемъ къ г. Карзину, какъ первому единственному виновнику основанія здѣсь университета, въ которомъ большая часть изъ нихъ получила образованіе свое, въ которомъ вмѣстѣ съ симъ открыто имъ завидное поприще передавать образованіе молодымъ людямъ и тѣмъ принести усердную дань благоговѣнія согражданамъ своимъ и отечеству“²⁰⁾. Остальную часть суммы—1200 р.—внесло городское общество. Тогдашній городской голова Андрей Мотузокъ, внося эти деньги предсѣдателю гражданской палаты, просилъ принять ихъ „по желанію его и гражданъ, кои въ полной мѣрѣ чувствуютъ труды и предстательства г. В. Н. Карзина предъ престоломъ блаженной и вѣчно достойной памяти покойнаго Всеавгустѣйшаго Монарха Александра I-го о учрежденіи въ Харьковѣ университета, который распро-

странилъ свои учебныя отрасли, чрезъ сіе самое г. Харьковъ улучшилъ свое положеніе, а торговый классъ возвысилъ свое состояніе ²¹⁾). Рѣдкіе и отрадные факты признанія заслугъ общественнаго дѣятеля, тѣмъ болѣе отрадные, что относились къ человѣку, почти уже 30 лѣтъ тому назадъ сошедшему съ широкой арены, забытому сановными друзьями и попавшему, благодаря неумѣнью устраивать свои личныя дѣла, въ критическое положеніе!

Съ 1804 года начинается *третій* періодъ въ жизни и дѣятельности В. Н. Каразина, самый длинный (онъ продолжался до смерти его въ 1842 году), но уже менѣе видный, хотя всетаки плодотворный и поучительный. Отнынѣ родное село Кручики замѣняетъ ему Петербургъ и дѣлается виднымъ просвѣтительнымъ центромъ въ Харьковскомъ краѣ. Безпокойный умъ, ненасытная жажда дѣятельности увлекаютъ его здѣсь то въ научные опыты, то въ литературную работу, то въ сферу теоретическаго и практическаго рѣшенія политическихъ и общественныхъ вопросовъ. Тутъ онъ предается со всею страстностью своей натуры занятіямъ естественными науками, преимущественно химіей, агрономіей и метеорологіей. Помимо научной пытливости его влекла къ этимъ занятіямъ любовь къ родинѣ, къ Украинѣ, желаніе изучить ея естественныя богатства и ввести въ нее болѣе совершенную культуру. Его радовало то обстоятельство, что Харьковскій университетъ обратилъ вниманіе на эту сторону дѣла. „Grace à l'université, пишетъ онъ въ одной изъ своихъ статей, рано или поздно мы познакоимся со всѣми природными дарами нашей Украины: будемъ имѣть и фауну, и флору, и полное описаніе минераловъ и водъ полуденныхъ губерній“. Университетъ далъ первое описаніе Славянскихъ минеральныхъ водъ — и Василій Назаровичъ съ своей стороны обращаетъ вниманіе ученой коллегіи на минеральный источникъ въ дачахъ надъ р. Орелью въ Константиногр. уѣздѣ Полтавской губ., въ имѣніи К. К. Ковалевскаго и даетъ краткое описаніе его ²²⁾). Его озабочивалъ постоянно вопросъ о благоустройствѣ роднаго Харькова и въ 1840 г. онъ предлагалъ, для предупрежденія засоренія нашихъ рѣчекъ, устроить въ предѣлахъ городской черты *канализацію* для спуска нечистотъ ²³⁾). Видя страшное истребленіе лѣсовъ, онъ старался открыть новый способъ винокуренія, при которомъ бы сберегалось топливо; съ этою же цѣлью онъ пропагандируетъ новые способы добыванія селитры, отошленія, искусственное лѣсонасажденіе. Чтобы поднять сельско-хозяйственную культуру, онъ вводилъ новые виды растений; а чтобы усилить мѣстную отпускную торговлю, предлагалъ консервировать мясо, фрукты, вмѣсто водки производить сухой алкоголь ²⁴⁾). Чтобы распространять всѣ эти новов-

веденія въ край, онъ учредилъ въ Харьковѣ *Филотехническое* общество, существовавшее съ 1811 по 1818-й годъ и бывшее прототипомъ нынѣшнихъ сельско-хозяйственнаго и технического. Трудно описать, сколько энергіи и средствъ вложилъ онъ въ это предпріятіе: объ этомъ пусть расскажетъ будущій историкъ этого общества на основаніи его актовъ и отчетовъ. Въ области метеорологіи онъ опередилъ современную ему русскую науку на десятки лѣтъ и предложилъ такое устройство правильной метеорологической сѣти наблюдений, какая и на западѣ была принята много лѣтъ спустя послѣ этого ²⁵). Къ сожалѣнію, мы до сихъ поръ не имѣемъ оцѣнки всѣхъ этихъ научныхъ трудовъ и опытовъ В. Н. Каразина со стороны *спеціалистовъ*, и эта обязанность, естественно, лежитъ на почтенныхъ сочленахъ нашей университетской коллегіи. Необходимо, чтобы профессоръ химіи занялся разсмотрѣніемъ и оцѣнкою его химическихъ опытовъ, профессоръ физической географіи—метеорологическихъ наблюдений и изслѣдованій въ области электричества, проф. агрономіи—сельско-хозяйственныхъ опытовъ въ связи съ дѣятельностью основаннаго имъ Филотехническаго общества, проф. государственнаго права—политическихъ теорій въ связи съ практическимъ ихъ приложеніемъ (разумѣемъ его сельскую думу), проф. исторіи и статистики—историческихъ и статистическихъ работъ. Статьи эти пусть послужатъ предисловіемъ въ собранію сочиненій В. Н. Каразина, которыя частью помѣщены въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, а частью напечатаны отдѣльными брошюрами; и тѣ, и другія (въ особенности послѣднія) составляютъ библиографическую рѣдкость и потому остаются неизвѣстны не только образованному обществу, но и спеціалистамъ. Я съ своей стороны принялъ бы на себя трудъ собрать и редактировать труды Каразина. Конечно, Василій Назаровичъ не былъ ученымъ спеціалистомъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова хотя бы уже потому, что предметы его умственныхъ интересовъ были въ высшей степени разнообразны. Но онъ обладалъ изъ ряда вонъ выдающимися дарованіями, позволившими ему быстро схватывать сущность предмета. Мало того: мнѣ думается, что ему была присуща не только способность усвоенія, но и самостоятельнаго научнаго творчества. Къ сожалѣнію, онъ не прошелъ никакой школы; ему недоставало правильности, методичности въ занятіяхъ, выдержки, усердія, способности долго сосредоточиться на одномъ предметѣ—и потому изъ него вышелъ пылкой горячій энтузіастъ знанія, знанія вообще, скорѣе энциклопедистъ, чѣмъ спеціалистъ. Такимъ именно разносторонне образованнымъ челоѣкомъ изображаетъ его намъ извѣстный Роммель ²⁶). Тѣмъ не менѣе имя В. Н. Каразина не должно

пройти незамѣченнымъ и въ *исторіи русской науки*, въ особенности въ области химіи и метеорологіи: ему нужно будетъ отвести въ ней почетное мѣсто. В. Н. Каразинъ относился къ своимъ занятіямъ очень серьезно. Въ сел. Кручиѣ у него была своя химическая лабораторія, въ которой онъ занимался химическими изслѣдованіями; тутъ находилась и метеорологическая станція (первая въ Харьковской губ.), гдѣ онъ самолично велъ наблюденія въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ; тутъ же было, употребляя современную номенклатуру, и опытное поле, на которомъ выращивалась китайская, французская, египетская, монгольская, итальянская, сардинская, англійская, критская, андалузская пшеница, испанскій ячмень, различныя иностранныя жита, производились опыты унаваживанія, вводились новыя сельско-хозяйственныя постройки (украинскій овинъ, украинская клуна) и примѣнялись изобрѣтенныя Василюемъ Назаровичемъ земледѣльческія орудія (молотильный катокъ). Изъ отчета В. Н. Каразина, засвидѣтельствованнаго мѣстнымъ земскимъ исправникомъ, оказывается, что урожай пшеницы на унавоженныхъ имъ поляхъ былъ на $\frac{2}{3}$ болѣе обыкновеннаго ²⁷). Наконецъ, у него была огромная бібліотека, обнимавшая, какъ и онъ самъ, всѣ отрасли знаній (въ 1836 г. сгорѣло 5000 томовъ этой бібліотеки и всѣ его мемуары до 1821 года).

Такимъ образомъ, В. Н. Каразинъ у себя дома на свои вообще далеко необширныя средства устроилъ вполне ученую обстановку для занятій. И результаты своихъ опытовъ онъ сообщалъ ученымъ обществамъ, съ тѣмъ чтобы ихъ разбирали и оцѣнивали вполне компетентные люди (таковы его доклады московскому обществу естествоиспытателей); его записки и проекты разсматривались и провѣрялись въ Академіи Наукъ и различныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ. Если мы представимъ себѣ теперь, каковы были въ то время помѣщичьи селенія Харьковской губ., то Кручику, съ его лабораторіей, опытными полями, бібліотекой и метеорологической станціей, рѣзко выдѣлится изъ общаго фона и представится намъ какимъ то сельско-хозяйственнымъ институтомъ съ ученымъ директоромъ во главѣ. Все здѣсь было устроено не такъ, какъ у сосѣдей, и Каразинъ явился у себя въ деревнѣ настоящимъ реформаторомъ-эмансипаторомъ. Отнюдь не считая крѣпостныхъ крестьянъ своею собственностью, онъ смотрѣлъ на помѣщика только какъ на собственника земли и опекуна населенія. Вотъ почему онъ предоставилъ своимъ крестьянамъ (или, какъ онъ называлъ ихъ, *поселянамъ*), въ наслѣдственное владѣніе земли, обязавъ ихъ за это опредѣленными денежными повинностями. Онъ же далъ имъ правильное административное и судебное устройство ²⁸). Не оставилъ онъ

безъ измѣненія и отношеній своихъ крестьянъ къ приходскому священнику: жалованье этому послѣднему было значительно увеличено, а плата за исполненіе различныхъ требъ уничтожена ²⁹⁾; наконецъ В. Н. Каразинъ устроилъ и приходское училище для крестьянскихъ дѣтей, на которое ежегодно отпускалась значительная по тому времени сумма въ 250 р. Школа эта не должна была отрываться отъ земледѣлія, а давать необходимыя для него элементарныя познанія и нравственно поднимать питомцевъ; Каразинъ хотѣлъ, чтобы изъ нея выходили *люди* ³⁰⁾. Изъ этой школы можно было переходить въ уѣздное училище; а если бы тамъ кто либо обнаружилъ выдающіяся способности, такому давалась отпускная съ обязательствомъ внести за себя впослѣдствіи выкупъ ³¹⁾. Такъ принципъ человѣческаго отношенія къ рабу получалъ практическое осуществленіе въ Кручикѣ и, конечно, долженъ былъ оказывать извѣстное вліяніе и на другихъ помѣщиковъ, и на самыхъ крестьянъ. На помѣщиковъ оказывало нѣкоторое вліяніе Филотехническое общество; на поселенъ сел. Кручика—его собственный примѣръ и школа. Обыватели Кручика примѣняли болѣе совершенную земледѣльческую культуру и благодаря этому благосостояніе ихъ все болѣе и болѣе возрастало ³²⁾. Простой народъ вѣрѣлъ Каразину подѣ часть защиту самыхъ насущныхъ своихъ интересовъ, такъ напр., одноворцы с. Вольнаго избрали его своимъ повѣреннымъ въ дѣлѣ, касавшемся ихъ земель (Сбор. Харьк. ист. фак. общ. т. 3-й стр. 310—311). Сохранилось чрезвычайно любопытное *собственноручное* письмо Каразинскаго крестьянина Ѳедора Манжаренка, занимавшаго видную должность писаря въ устроенной Вас. Назаровичемъ сельской думѣ. Письмо это служитъ яркимъ выраженіемъ взглядовъ на него эмансипированныхъ имъ лицъ изъ крестьянской среды; значеніе его, какъ достовѣрнаго источника, усиливается тѣмъ, что написано оно уже было *послѣ* смерти В. Н. Каразина, подѣ живымъ впечатлѣніемъ возстановленія старыхъ дореформенныхъ порядковъ. „Не могу забыть, пишетъ Манжаренко, всѣхъ тѣхъ благодѣтельныхъ наставленій дражайшаго нашего, въ Божѣ почивающаго, благодѣтеля, которыя сильно впечатлѣны въ сердцѣ моемъ по истинной, страстной приверженности моей. Вѣчно буду сожалѣть на южный берегъ (Крыма), который лишилъ нашего благодѣтеля и присвоилъ къ своему поприщу. Во всякомъ мѣстѣ да наслѣдуетъ благодѣтель нашъ царствія небеснаго. Не надѣюсь я до смерти моей осчастливиться видѣть подобія въ мѣрѣ семь, колыми паче при такомъ аристократическомъ управленіи въ Кручикѣ (по смерти В. Н., крестьяне его начали быть управляемы на манеръ *общій*, не такъ, какъ было при немъ). Лишась генія правды, истиннаго патріота и друга человѣчества, отверз-

лись врата неправды и совершенно ликуеть несправедливость, страждут сироты и плачут юные воспитанники; страдальцы выглядывают отрады, но нѣтъ ея здѣсь,—она покоится въ лонѣ Авраамлѣ!..³²⁾ Самъ Василий Назаровичъ старался пропагандировать свои гуманныя идеи въ обществѣ путемъ печати. Въ статьѣ по поводу открытія палаты государственныхъ имуществъ онъ выражаетъ большое удовольствіе, что отнынѣ будетъ кому заботиться о матеріальныхъ, умственныхъ и нравственныхъ интересахъ государственныхъ крестьянъ—призрѣвать сиротъ, устраивать училища съ преподаваніемъ грамоты и ремесль³³⁾ и т. п. О широкомъ пониманіи имъ идеи образованія свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что уже въ концѣ 30-хъ и началѣ 40-хъ годовъ, въ разгаръ крѣпостнаго права, онъ писалъ о необходимости образованія для женщинъ средняго и даже низшаго сословія. „Матери, говоритъ онъ, суть первоначальныя и лучшія наставницы; прилежная домохозяка мать имѣетъ больше удобства и времени заниматься образованіемъ своихъ дѣтей. Слѣдовательно, она будетъ дѣйствовать на потомство“³⁴⁾! Василий Назаровичъ проектировалъ въ Харьковѣ устройство *женискаго* ремесленнаго училища, изъ котораго выходили бы частью народныя учительницы, а частью мастерицы, экономки. Изъ предметовъ здѣсь должны были преподаваться—вѣтехизисъ, русскій языкъ, начала ариметики; но главное вниманіе предполагалось обратитъ на работы—огородничество, шитье бѣлья, вышиванье, тканье ковровъ, приготовленіе варенья³⁵⁾. Мысль Каразина осуществилась уже въ наше время съ устройствомъ извѣстной ремесленной школы общества грамотности. Не забудемъ, что эти передовыя идеи развивалъ не юноша, а 69-ти-лѣтній старецъ за годъ до своей смерти.

Замѣчательна и смерть В. Н. Каразина: въ глубокой старости, 70-ти лѣтъ отъ роду, онъ добровольно вызвался ѣхать въ Крымъ для того, чтобы испробовать на мѣстѣ усовершенствованный имъ способъ винодѣлія; во время разъѣздовъ на перекладной въ осеннюю непогоду онъ простудился и умеръ отъ горячки въ г. Николаевѣ: умеръ за работой на пользу русскаго общества, которому служилъ всю свою жизнь. Достойный конецъ достойной трудовой жизни!

Не смотря на свои 70 лѣтъ, онъ до самой смерти сохранилъ свои выдающіяся способности; его послѣдняя работа „Безпристрастный взглядъ на южный берегъ Тавриды и на его произведенія“³⁶⁾ блещетъ и острою ума, и наблюдательностью, и недюжиннымъ литературнымъ дарованіемъ автора. Въ началѣ ея помѣщено краткое предисловіе, въ которомъ вполне сказался Каразинъ. „Не все, что говорится или пишется съ добрымъ намѣреніемъ, говоритъ В. Н., бываетъ принято

благосклонно. Но это еще не должно останавливать благонамѣреннаго человѣка. Ибо онъ не долженъ имѣть никакой личной цѣли. Къ тому-жъ мнѣ отъ роду уже 70 лѣтъ: поздно ожидать награды или осужденія!“ Онъ умеръ такимъ, какимъ былъ въ жизни—смѣлымъ поборникомъ правды и общаго блага.

Смерть его не прошла незамѣченной въ общей прессѣ; но любопытно, что въ Харьковѣ ее замолчали. Въ тогдашнихъ „Моск. Вѣд.“ мы находимъ слѣдующій некрологъ его ³⁶): „мы получили изъ Николаева прискорбное извѣстіе о послѣдовавшей тамъ 4 ноября въ 8 час. пополудни кончинѣ члена многихъ ученыхъ обществъ и правителя дѣлъ Филотехническаго общества статскаго совѣтника В. Н. Каразина, одного изъ людей истинно замѣчательныхъ въ исторіи просвѣщенія Россіи. Науки и особенно естественныя потеряли въ немъ ревностнаго поборника. Мы надѣмся сообщить въ непродолжительномъ времени его біографію и ограничимся теперь только припоминаніемъ, что въ первые годы царствованія блаженной памяти Императора Александра I-го, удостоенный личной довѣренности Его Величества, В. Н. Каразинъ принималъ дѣятельное участіе въ образованіи министерства народнаго просвѣщенія. Ему же собственно Харьковскій университетъ обязанъ своимъ существованіемъ... Всю жизнь свою посвятилъ онъ опытамъ и примѣненіямъ наукъ естественныхъ, а особенно химіи, и практической пользѣ общества и сдѣлалъ множество открытій, которыхъ важность не всегда была оцѣнена. На этомъ поприщѣ, одушевленный *пламенной* любовью къ отечеству, онъ дѣйствовалъ до самыхъ преклонныхъ лѣтъ своихъ съ неутомимымъ самоотверженіемъ и съ изумительною ревностію. Нынѣшнимъ еще лѣтомъ онъ былъ въ Одессѣ и выѣхалъ отсюда въ Крымъ для произведенія, по приглашенію министра государственныхъ имуществъ, опытовъ надъ однимъ изъ тысячи своихъ предположеній—улучшеніемъ русскихъ винъ... Жители Харькова, гдѣ онъ преимущественно жилъ и дѣйствовалъ, не забудутъ всего того, что онъ сдѣлалъ къ процвѣтанію ихъ города, и память объ немъ сохранится между ними, какъ объ одномъ изъ полезнѣйшихъ и ревностнѣйшихъ согражданъ“.

В. Н. Каразинъ при жизни былъ хорошо извѣстенъ представителямъ московскихъ литературныхъ кружковъ: его зналъ Калайдовичъ, проводившій съ нимъ время въ бесѣдахъ о словесности; въ этихъ разговорахъ между прочимъ Василій Назаровичъ постоянно ратовалъ противъ крѣпостнаго права въ его тогдашнихъ формахъ: извѣстный литераторъ С. Т. Аксаковъ называлъ Каразина „Посошковымъ новаго времени“. М. П. Погодинъ говорилъ, что В. Н. Каразинъ „есть лицо, недостаточно еще оцѣненное въ русской исторіи“. Особенно дружествен-

ныя связи установились между Васи́лемъ Назаровичемъ и Погодинымъ. Познакомились они въ 1828 г. и такъ сблизились, что Каразинъ, выѣхавъ изъ Москвы, писалъ Погодину: „обязательная ваша прѣвѣтливость ко мнѣ въ проѣздъ мой черезъ Москву никогда не выйдетъ изъ моей памяти“. Вислѣдствіи ихъ еще болѣе сблизили общіе научно-литературные интересы. В. Н. Каразинъ передалъ Погодину для напечатанія одну чрезвычайно важную рукопись—(Кирилова. „Цвѣтущее состояніе русскаго государства 1727 г.“). Затѣмъ В. Н. Каразинъ принималъ живое нравственное и литературное участіе въ издаваемыхъ Погодинымъ журналахъ—Московскомъ Вѣстникѣ и Москвитянинѣ. По словамъ біографа Погодина г. Барсукова, В. Н. оказалъ даже вліяніе на развитіе славянскихъ симпатій Погодина. И дѣйствительно, напечатавъ въ 1868 г. записку Каразина объ освобожденіи Сербовъ, Погодинъ прибавляетъ: „Славяне! Помянемъ добромъ и благодарностью горячаго автора, котораго близорукіе и односторонніе современники называли мечтателемъ“³⁷⁾. Въ началѣ 70-хъ годовъ въ своемъ письмѣ къ Н. А. Лавровскому Погодинъ далъ слѣдующій замѣчательный отзывъ о Вас. Назаровичѣ: „Харьковскій университетъ, по моему мнѣнію (между нами), долженъ засвидѣтельствовать свою благодарность своему почти основателю. Наступающее столѣтіе по его рожденію дастъ вамъ прекрасный поводъ подать мысль о памятникѣ, въ родѣ того, какъ поставленъ Вилье. Вѣроятно, университетъ вѣдь назначитъ торжественное засѣданіе. Члены съ вами согласятся, и вотъ доброе начало, которое по пословицѣ составляетъ всегда уже половину дѣла. Журналы и газеты поддержать мнѣніе. Я зналъ лично Васи́лія Назаровича. Это былъ рыаный ревнитель добра, съ богатымъ воображеніемъ, огромными свѣдѣніями, изобрѣтательный, въ высшей степени образованный, со словомъ сильнымъ и убѣдительнымъ“³⁸⁾. Интересенъ еще отзывъ о Вас. Наз. Харьковского литературнаго дѣятеля И. Бецаго, близко стоявшаго къ Погодину и его „Москвитяину“. Для того чтобы оцѣнить его по достоинству, нужно знать, что Бецагій отличался вообще самостоятельностью, прямою и даже рѣзкостью въ сужденіяхъ. Вотъ что писалъ онъ изъ Харькова Погодину 13 января 1843 года: „безъ меня здѣсь умеръ Каразинъ. Бѣдный старикъ. Миръ праху твоему... Много оставилъ онъ по себѣ бумагъ. *Дневникъ* самый подробный, который свидѣтельствуетъ о неутомимой дѣятельности, не угасавшей въ дни драхлой старости. И теперь вообразите: прѣѣзжаю ко вдовѣ и вижу этотъ *дневникъ*, свидѣтель учености, неудавшихся плановъ, жизни самой безпокойной—лежитъ въ передней и его разбираютъ лакеи. Вотъ конецъ печальной драмы. Спрашивалъ я о бібліотекѣ, объ автографѣхъ, о

бумагахъ. Все это досталось какимъ то нелѣпымъ наслѣдникамъ. Дневникъ его—это, ей, ей, рѣдкость во всѣхъ отношеніяхъ, особенно въ психологическомъ для всякаго, кто зналъ, что это былъ за человѣкъ феноменъ покойникъ. Миѣ кажется, если бы В. Н. былъ бы не въ Харьковѣ и если бы обстоятельства не передѣляли на выворотъ этого неутомимаго дѣятеля науки, онъ могъ-бы много, много принести пользы, при энергіи необузданнаго ума и страстнаго желанія быть полезнымъ. Жаль, что онъ скончался не въ Харьковѣ; я съ особеннымъ наслажденіемъ берегъ бы его въ послѣднія минуты жизни, потому именно, что покойникъ не имѣлъ друзей“³⁹⁾. Тутъ отдается должное и выдающемуся уму Вас. Наз., и его безкорыстнымъ трудамъ на пользу общества; мало того—ясно съвозить и чувство жалостливаго участія къ покойнику, вызванное, быть можетъ, желаніемъ загладить впечатлѣніе перваго несовсѣмъ справедливаго отзыва о Каразинѣ⁴⁰⁾.

Въ концѣ сороковыхъ годовъ появился о Вас. Наз.-чѣ такой отзывъ въ „Современникѣ“ лица, повидимому, хорошо знавшаго его: „что-бъ о немъ не говорили, съ какой бы точки ни разсматривали его общественный характеръ, но одно не подлежитъ сомнѣнію: рано или поздно Харьковъ да и вся Украина отдадутъ ему должное и открыто признаютъ въ немъ одного изъ своихъ благотворителей. Его когда то сильному вліянію Харьковъ обязанъ своимъ университетомъ. Имъ было создано въ этотъ городъ множество иностранныхъ ремесленниковъ.... Ни одна отрасль наукъ не ускользала отъ его прозорливаго вниманія. Отъ плуга и химической лабораторіи до самыхъ коренныхъ вопросовъ науки или общественной жизни, онъ вездѣ былъ дома, но крайней мѣрѣ теоретически. Это былъ умъ, жадный къ познаніямъ, душа пылкая, сжигаемая жаждой дѣятельности.... Нетерпѣливый и отвлеченно теоретическій, Василій Назаровичъ оставался теоретикомъ и въ практикѣ. Страсть къ проектамъ во всѣмъ отраслямъ наукъ и гражданскаго устройства, безпокойное стремленіе къ преобразованіямъ всякаго рода дѣлали его неспособнымъ къ холодному, настойчивому исполненію предназначаемаго. Онъ весь, и самыми недостатками, принадлежитъ къ исторіи русской общественной жизни.... Кто его зналъ, кто зналъ пламенную любовь къ успѣхамъ отечества, одушевлявшую его во всю жизнь, съ неизмѣннымъ жаромъ и ревностью, тотъ согласится, что Каразинъ принадлежитъ къ знаменательнымъ, поучительнымъ явленіямъ нашего современнаго общества и не откажетъ ему въ уваженіи и признательности“⁴¹⁾.

Сознаніе о важности услугъ, оказанныхъ В. Н. Каразинимъ русскому обществу и особенно Харьковскому краю, между тѣмъ все болѣе и болѣе возрастало и нашло себѣ выраженіе въ цѣломъ рядѣ науч-

ных трудовъ, посвященныхъ его жизни и дѣятельности. Въ 1860 г. извѣстный писатель Григорій Петровичъ Данилевскій напечаталъ въ Сѣверной Пчелѣ біографію В. Н. Каразина, а въ 1866 году перепечаталъ ее въ дополненномъ видѣ въ сборникѣ „Украинская Старина“. Эта работа и въ настоящее время является самымъ полнымъ сводомъ біографическихъ и бібліографическихъ данныхъ о Каразинѣ. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ проф. Н. А. Лавровскій, въ своихъ изслѣдованіяхъ ⁴²⁾ по исторіи Харьковскаго университета, отвелъ не мало мѣста и В. Н. Каразину. Онъ прямо говоритъ, что „г. Харьковъ несомнѣнно обязанъ существованіемъ въ немъ университета В. Н. Каразину“. Въ другомъ мѣстѣ мы находимъ у него слѣдующую характеристику Каразина: „онъ влагалъ въ общественную дѣятельность всю свою страстную душу, одушевленъ былъ безпредѣльною любовью къ своей родинѣ, безпредѣльнымъ желаніемъ ей добра и всесторонняго развитія. Можно иногда не соглашаться, вообще или въ частности, съ содержаніемъ разныхъ его бумагъ, можно находить это содержаніе нынѣ непригоднымъ или неосуществимымъ; но едвали позволительно отказать ему въ беззавѣтной искренности стремленій, въ томъ, что всѣ его помыслы—большей части конхъ такъ и не суждено было осуществиться—имѣли своимъ источникомъ родившіеся въ его воображеніи возвышенные идеалы наилучшаго государственнаго и общественнаго порядка“ ⁴³⁾. Въ „Русской Старинѣ“ за 1870—1875 г. опубликовано сыномъ Василія Назаровича, Филадельфомъ Васильевичемъ, значительное количество матеріаловъ для его біографіи ⁴⁴⁾; ему же принадлежитъ и опытъ біографіи, представляющій для насъ интересъ не столько по взглядамъ, сколько по богатству новыхъ фактическихъ данныхъ ⁴⁵⁾. Въ послѣднее время и въ мѣстныхъ харьковскихъ изданіяхъ стали печататься матеріалы и статьи о В. Н. Каразинѣ ⁴⁶⁾. Наконецъ, въ извѣстномъ изданіи Павленкова (знаменитыхъ дѣятелей) появилась недавно популярная біографія В. Н. Каразина (составлена г. Абрамовымъ); г. Абрамовъ считаетъ Василія Назаровича однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ дѣятелей ⁴⁷⁾.

Мы въ своей рѣчи старались дать не панегирикъ, не похвальное слово, а матеріалы для объективнаго и мотивированнаго сужденія о заслугахъ В. Н. Каразина передъ русскимъ обществомъ. И вотъ наши выводы. Имя Василія Назаровича начертано крупными, неизгладимыми чертами въ исторіи мѣстной харьковской культуры и образованности. Харьковскій университетъ ему обязанъ своимъ началомъ—и этой одной заслуги было бы вполне достаточно, чтобы благодарная память о немъ перешла въ потомство. Городъ Харьковъ, получившій университетъ раньше Петербурга, Кіева и Казани, въ значительной степени Каразину

обязанъ своимъ дальнѣйшимъ ростомъ и развитіемъ. Не будь этого, онъ долго бы еще оставался въ своемъ первобытномъ состояніи. Каразинъ знаменуетъ собою пробужденіе общественнаго и научно-литературнаго духа въ Украинѣ, пользы которой въ его представленіи были неотдѣлимы отъ интересовъ всей Россіи. Не можетъ остаться незамѣченной его дѣятельность и въ исторіи общерусскаго просвѣщенія: не малую услугу оказалъ онъ ему своей идеею особаго министерства народнаго просвѣщенія. Наконецъ, Каразинъ приобрѣлъ себѣ право на всеобщее вниманіе своимъ необыкновеннымъ умомъ и способностями: этотъ самоучка дворянинъ постоянно шелъ впереди своего вѣка и предлагалъ то, что и въ настоящее время составляетъ еще *primus desiderium*.

Такимъ образомъ, мы, вмѣстѣ съ Г. П. Данилевскимъ, М. П. Погодинымъ и Н. А. Лавровскимъ, думаемъ, что В. Н. Каразинъ воиолнѣ заслужилъ себѣ *памятникъ* въ Харьковѣ. Мы говоримъ это съ полнымъ убѣжденіемъ, зная прекрасно, что дѣятельность Василя Назаровича и въ особенности его характеръ возбуждали подѣ часъ нареканія и нападки. Вникая внимательнѣе въ эти отрицательные отзывы, мы легко открываемъ общій источникъ ихъ происхожденія; это были *пересуды* современниковъ, попавшіе въ печать и оказавшіе извѣстное вліяніе на сужденія о личности Каразина и со стороны потомства. Это были своего рода народныя легенды, сочиненныя безымянными авторами, нерѣдко сводившими такимъ путемъ счеты съ неуряднымъ человѣкомъ. Судьба Каразина, сама по себѣ довольно необычная, давала имъ благодарныя темы и гарантировала успѣхъ ихъ сочиненій въ публикѣ. И петербургская бюрократическая среда (гдѣ пришлось первоначально дѣйствовать Василю Назаровичу), и харьковская провинціальная были очень падки къ различнаго рода сенсаціоннымъ слухамъ о человѣкѣ, котораго такъ высоко выдвинулъ „случай“. Въ глазахъ высшаго петербургскаго общества, особенно придворнаго, Василій Назаровичъ, являлся выскочкой, котораго необходимо было во что бы то ни стало дискредитировать въ глазахъ Государя, иначе онъ могъ сдѣлаться очень опаснымъ. Особенное нерасположеніе и тайный страхъ должны были чувствовать къ нему старыя государственныя дѣятели. Выразителемъ подобныхъ взглядовъ на Каразина явился въ своихъ запискахъ извѣстный Державинъ, занимавшій въ царствованіе Александра I-го высокій постъ министра юстиціи. Онъ набросилъ сильную тѣнь на нравственную сторону личности Василя Назаровича, назвавъ его умнымъ человѣкомъ, „но не весьма завидной честности“; основаніемъ же для такого отзыва послужилъ *слухъ* о желаніи Василя Назаровича жениться на богатой невѣстѣ Надаржинской; Державинъ ставитъ въ вину Каразину то обстоя-

тельство, что онъ въ дѣлѣ наслѣдства этой дѣвицы сталъ дѣйствовать въ ея пользу, желая будто бы сдѣлать ей въ послѣдствіи предложеніе и получить въ приданое за ней ея огромное состояніе. Но въ данномъ случаѣ мы, очевидно, имѣемъ дѣло не съ достовѣрнымъ событіемъ, а съ легендой, которая вводитъ насъ въ область гадательныхъ недоказанныхъ предположеній и темныхъ слуховъ, не поддающихся провѣркѣ. Самъ Державинъ говоритъ, что дѣло Надаржинской было правое и онъ самъ рѣшилъ его въ ея пользу, значить Каразинъ стоялъ также за правое дѣло; и если даже допустить, что *раньше* онъ былъ другаго мнѣнія (хотя это ничѣмъ не доказывается), то и тогда не зачѣмъ будетъ дѣлать непременно худшаго предположенія: онъ могъ также ошибаться, какъ и Зубовъ, дѣйствовавшій совершенно безкорыстно, *bona fide*, и тѣмъ не менѣе представившій докладъ Государю въ пользу противника Надаржинской—Кондратьева; дѣло было очень запутанное и на него возможны были разные точки зрѣнія ⁴⁸); при томъ Каразинъ вовсе не былъ знакомъ съ Надаржинской, которой, кстати сказать, въ то время было всего только 13 лѣтъ. Фактъ сватовства Каразина на Надаржинской не установленъ. Державинъ, по петербургскимъ слухамъ, говоритъ только о намѣреніи его посвататься за нее, у Ярославскаго ⁴⁹) же (въ его запискахъ), этотъ эпизодъ получаетъ дальнѣйшія мѣстные (харьковскія) подробности и прибавки, весьма сомнительныя и отчасти опровергаемыя другими данными. Мы объясняемъ происхожденіе всѣхъ этихъ слуховъ тѣмъ, что Каразинъ въ это время заявилъ себя, какъ ревнитель правды и искоренитель злоупотребленій и тѣмъ поддерживалъ особое довѣріе къ себѣ Государя; самому Державину пришлось производить слѣдствіе надъ Калужскимъ губернаторомъ Лопухинымъ, по поводу его злоупотребленій, открытыхъ В. Н. Каразиннымъ и доказанныхъ несомнѣнными данными; эта безпокойная дѣятельность по части искорененія неправды и близость къ Государю, естественно, вызвали зависть и желаніе набросить тѣнь на самого ревнителя правды; дѣло Надаржинской, въ которомъ Василій Назаровичъ опять таки хотѣлъ заявить себя правдолюбцемъ, подало прекрасный поводъ приписать ему такія намѣренія, какихъ у него и не было, чтобы тѣмъ дискредитировать его въ глазахъ общества и Государя; при томъ самъ Каразинъ могъ помочь своимъ недругамъ излишнею горячностью въ защитѣ интересовъ Надаржинской... и горячность эта могла дѣйствительно казаться подозрительной. Невинное примѣненіе химическаго фокуса къ акціямъ Филотехническаго общества породило также неблагоприятныя для Каразина слухи въ Харьковѣ и нашло себѣ выраженіе въ запискѣ Анастасевича ⁵⁰). Своеобразное сочетаніе консервативныхъ и либеральныхъ взглядовъ

вызвало въ свое время злую эпиграмму Воейкова, а въ наши дни неудовольствіе историка крестьянскаго сословія В. И. Семевскаго ⁵¹⁾. Вотъ въ сущности и всѣ пятна (въ значительной степени мнимыя) на свѣтломъ фонѣ дѣятельности Каразина. Допускаемъ, что современемъ могутъ открыться еще какіе нибудь отрицательные отзывы о немъ. Даже увѣрены въ томъ, что это случится, потому что Василій Назаровичъ принадлежалъ къ людямъ съ рѣзко очерченной умственной и нравственной фізіономіей; у него было много страстныхъ поклонниковъ и друзей, но еще больше враговъ и хулителей.

Основной чертой его *характера* является страстность, несдержанность, порывистость. Не даромъ современники называли его *tête chaude* (горячей головой) ⁵²⁾. И все это, по нашему мнѣнію, объясняется его происхожденіемъ и наслѣдственностью: въ его жилахъ текла южная горячая кровь. Извѣстно, какихъ приключеній исполнена была жизнь его отца на военномъ поприщѣ. Намъ удалось найти данныя, доказывающія, что такимъ же неугомоннымъ-несдержаннымъ оставался отецъ его и въ роли помѣщика сел. Кручика (разумѣемъ эпизодъ съ колоколомъ) ⁵³⁾. У сына былъ также огромный запасъ энергіи, но только вся она была направлена на *мирное* служеніе общественному благу. Отстраненный съ одного поприща, онъ немедленно же переходитъ къ другому и обнаруживаетъ здѣсь такую же изумительную дѣятельность, какъ и на прежнемъ. Василій Назаровичъ самъ сознался однажды, что въ его жилахъ кипѣла отцовская кровь. Предлагая себя немедленно послѣ опалы въ эмиссары русскаго правительства для поддержанія сербскаго возстанія, онъ говоритъ: „отецъ мой, Екатерининскій полковникъ, былъ употребленъ почти для такого же дѣла. Тоже могу сдѣлать и я, имѣя *при меньшей*, можетъ быть, *отважности*, гораздо болѣе причинъ не дорожить моими днями ⁵⁴⁾“. Мы выше замѣтили, что Василій Назаровичъ обладалъ огромнымъ умомъ. Но это не былъ холодный умъ практика; это былъ безпкойный умъ надѣленнаго пылкой фантазіей изобрѣтателя. Воображеніе у него господствовало надъ разсудкомъ и влекло его все къ новымъ и новымъ мечтаніямъ и предпріятіямъ, въ которыя самъ онъ искренно и глубоко вѣрилъ. Отсюда и грандіозность его проектовъ, служившая причиной непригодности многихъ изъ нихъ къ дѣлу; отсюда его непрактичность, вызывавшая не разъ улыбку на устахъ холодныхъ практиковъ. Припомнимъ его мечты о томъ, какое вліяніе будетъ имѣть Харьковскій университетъ на всю южную Россію; вспомнимъ его предсказаніе, что г. Харьковъ сдѣлается новыми Афинами. Еще болѣе характерно въ этомъ отношеніи письмо его къ министру иностранныхъ дѣлъ, князю Чарто-

рысскому, о необходимости поддержать сербское возстаніе. Начавъ описывать будущіе предѣлы славянства, онъ прерываетъ свою рѣчь и говоритъ: „но какъ опредѣлить географическія границы, среди *восторги*, который меня обнимаетъ! Въ упоеніи восторга я вижу этотъ народъ (славянь), столь способный еще быть управляемымъ чувствомъ моральнымъ, не существующимъ уже, увы! для насъ“ ⁵⁵). Эта *восторженность* характеризуетъ почти всѣ его сочиненія. А его письма къ Императору Александру I-му, въ которыхъ онъ самъ себя называетъ „сельскимъ мечтателемъ“ и признается въ своей наивности ⁵⁶)? Такимъ же мечтателемъ оказывался онъ и въ собственной жизни. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ вспомнить его Филотехническое общество, которое должно было давать дохода—не менѣе какъ по 6% на акцію. Впрочемъ нужно замѣтить, что этотъ крайній идеализмъ больше всего принесъ вреда ему самому. Какъ человѣкъ прямой, искренній, Василій Назаровичъ всегда и всѣмъ говорилъ то, что думалъ, не дѣлая даже исключенія для царей. Судьба, казалось, въ началѣ благопріятствовала ему, поддерживала въ этомъ „правдоговореніи“, даже вознесла его за это на высоту, о которой едва ли могъ мечтать даже онъ, при всей своей пылкой фантазіи; но эта же судьба и низвергла его съ высоты. А падать, какъ извѣстно, труднѣе, чѣмъ подниматься. При томъ онъ чувствовалъ въ себѣ огромный запасъ силъ. И вотъ начинается дѣятельность на новомъ болѣе узкомъ поприщѣ—научномъ. Между тѣмъ натура беретъ свое; пылкая фантазія рисуетъ ему возможность чуда: ему вѣрится, что его снова потребуютъ *туда*, на верхъ, откуда исходитъ все, гдѣ можно развить широкую дѣятельность на пользу общую... ⁵⁷). Въ результатѣ—неудача, злорадство враговъ, Шлиссельбургъ, невольное затворничество въ Кручиѣ... Тяжело было душевное состояніе Василя Назаровича въ послѣдніе годы. Всю свою долгую жизнь онъ посвятилъ пользамъ Россіи, своего края—и этого рвенія и усердія современники по достоинству не оцѣнили или, что еще хуже, забыли о нихъ. Это его глубоко оскорбляло, заставляло страдать. Не могъ онъ, при своей живости, впечатлительности, оставаться равнодушнымъ къ *неуспѣхамъ* своихъ начинаній—неудачи причиняли ему страданія. Другой на его мѣстѣ ушелъ бы отъ дѣлъ, отъ общества; но онъ не могъ этого сдѣлать, если бы даже хотѣлъ: у него было слишкомъ много энергіи и живучести; въ 70 лѣтъ онъ сохранилъ еще живость ума и чувства ⁵⁸). Онъ по прежнему искалъ дѣла, но только не желалъ уже ни похвалы, ни осужденія современниковъ, ибо не вѣрилъ въ ихъ безпристрастіе. Это душевное настроеніе ярко выразилось въ предсмертномъ письмѣ его къ Погодину. „Кто знаетъ, пишетъ онъ ему, что живущій нынѣ, хотя уже въ гробъ заглядываю-

ній старикъ, далъ идею и выполнилъ ее на полустойѣ бумаги своею рукою объ отдѣльномъ министерствѣ народнаго воспитанія, которое нигдѣ въ Европѣ еще не существовало? *Насилу* проговорили гдѣ-то въ журналѣ, что онъ де подаль мысль къ основанію такого то университета. И только то!! Кто знаетъ, что тотъ же старикъ бился какъ рыба объ ледъ, домогаясь воссоединенія уніатовъ, которое совершилось спустя болѣе 30 лѣтъ?... Что онъ для царскаго дворца предлагалъ отапливаніе или, справедливѣе сказать, нагрѣваніе водяными парами (заключенными въ трубахъ), которое теперь произведено въ Берлинѣ въ тамошней библіотекѣ.—Право скучно и писать, не только жить въ этомъ мірѣ. Да и листокъ къ концу. Сберегаете ли вы письма друзей вашихъ? Такъ! Хоть для потомства? Думалъ ли Каразинъ, прибавляетъ отъ себя Погодинъ, что это письмо такъ скоро сдѣлается матеріаломъ для его біографіи³⁹⁾. И этотъ человекъ, обладавшій огромной вѣрой въ жизнь и людей, въ концѣ своего земнаго поприща потерялъ ее и расчитывалъ только на неліцеприятный судъ потомства.

Теперь пора дать ему этотъ судъ, милостивые государи и милостивыя государыни! Прошло уже 50 лѣтъ со дня его смерти. На нашей нравственной обязанности лежитъ оцѣнка подвиговъ его ума, слова и дѣла. Пожелаемъ же, чтобы эта оцѣнка нашла себѣ основаніе въ собраніи его сочиненій и посвященныхъ имъ изслѣдованійхъ, чтобы изъ книгъ и изслѣдованій она перешла въ живое сознаніе общества и затѣмъ воплотилась въ вещественныхъ и невещественныхъ памятникахъ. Пожелаемъ, чтобы Каразины почаще являлись въ нашемъ обществѣ, съ тѣмъ, чтобы толкать его впередъ по пути всяческаго прогресса, въ особенности по пути просвѣщенія, по тому пути, на которомъ, по вѣрному замѣчанію б. попечителя Потоцкаго, „остановиться—значить то же, что подаваться назадъ“. Пусть растетъ сочувствіе къ нашему университету со стороны всѣхъ классовъ населенія. Мечты В. Н. Каразина отчасти сбылись: Харьковскій университетъ въ теченіе 87 лѣтъ является уже просвѣтительнымъ центромъ „полуденной Россіи“; пусть же онъ свѣтитъ, пока земля стоитъ и солнце свѣтитъ и свѣтъ его все болѣе и болѣе разсѣиваетъ мракъ!

Примѣчанія.

¹⁾ Нужно замѣтить, что ни подлиннаго письма, на точной копѣи съ него не сохранилось и только впоследствии, многіе годы спустя, самъ Василій Назаровичъ возстановилъ его по памяти; въ такомъ видѣ оно напечатано въ „Русск. Стар.“ 1873 г., апрѣль, стр. 567—568 (съ подлинной рукописи Василя Назаровича, сообщенной редакціи его сыномъ, Филадельфомъ Васильевичемъ); въ этой редакціи нѣтъ приведенныхъ нами словъ. Но мы ихъ встрѣчаемъ въ книгѣ Г. П. Данилевскаго, который ссылается на ту же рукопись письма Василя Назаровича; быть можетъ, эта прибавка была устно сообщена Гр. П. Данилевскому Василю Назаровичемъ или его сыномъ, Филадельфомъ Васильевичемъ, и она является весьма правдоподобной; трудно допустить, чтобы Василій Назаровичъ указалъ Императору Павлу только на одинъ мотивъ своего бѣгства—слухи о его жестокости. Мы думаемъ, что въ этомъ письмѣ, какъ и въ послѣдующихъ, смѣлыя рѣчи по адресу государя были смѣшаны съ выраженіемъ горячей преданности ему и отечеству; раскаяніе Каразина побудило Павла Петровича сдѣлать то, чего онъ не любилъ дѣлать—простить дерзновеннаго.

²⁾ Разумѣемъ здѣсь статью г. Бочарова „Памяти В. Н. Каразина. Новыя данныя къ его біографіи“ (по первоисточникамъ и подлиннымъ архивнымъ бумагамъ)“, напечатанную въ № 307 „Москов. Иллюстрир. газеты“ за 1892-й годъ.

³⁾ Письмо это напечатано съ примѣчаніями самого Василя Назаровича, но къ сожалѣнію, съ нѣкоторыми пропусками, въ „Русской Старинѣ“ 1871, т. 4-й, стр. 68—80; у меня имѣется *полный* списокъ этого письма, сдѣланный для харьк. помѣщика Дм. Хрущева и принадлежащій нынѣ сыну его, Павлу Дмитріевичу Хрущеву.

⁴⁾ Ibidem, стр. 75—76.

⁵⁾ „Русская Старина“, 1875, апрѣль, стр. 751.

⁶⁾ Рѣчь эта напечатана въ „Русской Старинѣ“ 1871, т. 3-й, стр. 330—335.

⁷⁾ Сотрудникъ В. Наз. Анастасевичъ прямо говоритъ: „занятія мои съ Василюмъ Назаровичемъ особенно состояли въ начертаніи предварительныхъ правилъ мин. нар. проsv., въ нѣкоторыхъ проектахъ для образованія Харьк. у—а и въ особености по канцеляріи кн. Чарторыскаго, также въ приготовленіи диплома и общихъ уставовъ для преобразованія Виленскаго университета и его округа по прежнимъ уставамъ бывшей училищной (Едукаціонной) комиссіи, существовавшей въ послѣдніе годы (до 1794 г.) прежняго польскаго правительства съ примѣненіемъ ихъ къ настоящему времени, а когда образовалась сія часть Виленскаго округа, то мои служебныя сношенія съ Василюмъ Назаровичемъ продолжались какъ съ правителемъ дѣлъ главнаго правленія училищъ и по случаю *основаннаго имъ* изданія отъ того же правленія: „Ежем. соч. объ успѣхахъ нар. проsv.“ (Записка о Вас. Наз. Каразинѣ въ Чтеніяхъ Моск. Общ., 1861, кн. 3-я, стр. 192—193).

⁸⁾ Письмо это напечатано у Гр. П. Данилевскаго („Укр. Старина“, стр. 135—139), подлинникъ его хранится въ бібліотекѣ Харьк. университета.

⁹⁾ Ibidem, стр. 136—137.

¹⁰⁾ „Русская Старина“, 1871, т. 3-й, стр. 704.

¹¹⁾ „Предначертаніе“ Каразина напечатано въ статьѣ его сына („Рус. Старина“, 1875, май, стр. 66—76). Мы имѣли въ своихъ рукахъ и рукопись „предначертанія“ (она хранится въ университетскомъ архивѣ).

¹²⁾ Болѣе подробное развитіе всѣхъ этихъ мыслей читатель найдетъ въ приготавливаемыхъ нами къ изданію „Очеркахъ по исторіи Харьковскаго университета“, именно въ 1-й главѣ ихъ, посвященной характеристикѣ просвѣщенія въ Харьк. краѣ до открытія университета.

¹³⁾ Подробныя свѣдѣнія о пожертвованіяхъ будутъ помѣщены нами во 2-й главѣ „Очерковъ по исторіи Харьк. университета“.

¹⁴⁾ Грамота эта напечатана въ „Сбор. постанов. по мин. нар. просв.“ т. 1-й; подлинникъ ея составляетъ собственность университета.

¹⁵⁾ Вотъ они: губ. предводитель дворянства Вас. Донецъ-Захаржевскій, харьк. уѣздный—Дмитрій Щербининъ, валковскій—Мих. Шидловскій, богодуховскій—Иванъ Куликовскій, змиевской—Петръ Фонъ-Мейеръ, лебединскій—Алексій Алферовъ, сумской—Куколь-Яснопольскій, ахтырскій—Кондратевъ, купянскій—Райзельзонъ-Сошальскій, депутатъ змиевскаго уѣзда Ник. Шидловскій, купянскаго—Юсифъ Абаза, харьковскаго—Василій Тихоцкій, ахтырскаго—Иванъ Ямпольскій, валковскаго—Ник. Зварыкинъ (Архивъ Харьк. Двор. Депут. Собр., „Протоколы по текущимъ дѣламъ“ 1802 г.)

¹⁶⁾ „Рус. Старина“ 1875, май, стр. 76.

¹⁷⁾ „Воспоминанія“, стр. 77.

¹⁸⁾ „Сѣверная Пчела“ 1860, № 92; этого номера нѣтъ въ нашей университетской библиотекѣ, но, благодаря любезности г-жи Токмаковой, всѣ письма, напечатанныя тутъ Филadelphомъ Васильевичемъ Каразиннымъ, для меня были списаны съ экземпляра, хранящагося въ Императорской публичной библиотекѣ въ С.-Петербургѣ.

¹⁹⁾ Н. А. Лавровскаго. Воспоминаніе о В. Н. Каразинѣ (Ж. М. Н. Пр., 1873, № 2, стр. 309).

²⁰⁾ Г. П. Данилевскаго. „Украинская Старина“, стр. 150—151; ср. „Жур. Мин. Нар. Просв.“ 1873, февраль, стр. 310.

²¹⁾ Г. П. Данилевскаго. „Укр. Старина“, стр. 151; ср. „Жур. Мин. Нар. Просв.“, 1873, № 2 стр. 310.

²²⁾ Прибавленіе къ „Харьк. Губ. Вѣд.“ 1838 г., № 38, стр. 337—338.

²³⁾ Ibidem, 1840 г., № 12, стр. 113.

²⁴⁾ См. „Украинскую Старину“, стр. 128, 140—145; ср. Отчетъ Филотехническому обществу за послѣдніе четыре мѣсяца 1818. X. 1819; см. также приб. къ „Харьк. Губ. Вѣд.“ за 1838-й годъ, стр. 429—430, гдѣ помѣщены и его личныя наблюденія объ истребленіи лѣсовъ.

²⁵⁾ См. Записку, читанную въ Имп. Моск. Общ. Естественныхъ Испытателей дѣйств. чл. онаго В. Н. Каразинимъ о метеорологіи, 15 марта 1810 г. („Рус. Старина“, 1871, т. 3-й, стр. 719—722); ср. также статью о В. Н. Каразинѣ, какъ метеорологѣ, въ Рус. Архивѣ за 1892-й годъ. № 5.

²⁶⁾ Василій Назаровичъ Каразинъ... говоритъ Роммель, былъ знакомъ со многими языками и литературами Европы, слѣдилъ за всѣми новѣйшими открытіями въ физикѣ и химіи и посвящалъ свое время ученымъ занятіямъ и опытамъ („Воспоминаніе“, стр. 77).

²⁷⁾ Отчетъ Филотехнич. обществу за послѣдніе 4 мѣсяца 1818 г. X. 1819 г., стр. 1—17, 22—26.

²⁸⁾ Подробныя свѣдѣнія объ этомъ устройствѣ сообщаетъ самъ Вас. Наз. въ письмѣ къ слободско-украинскому губернатору Бахтину отъ 30 янв. 1810 г. (См. „Русскую Старину“, 1871, т. 3-й, стр. 335—366).

²⁹⁾ См. объ этомъ обстоятельную монографію о. Ник. Лащенко, основанную на данныхъ харьковскаго консисторскаго архива („Харьковскій Сборникъ“ на 1887-й годъ, стр. 53—64).

³⁰⁾ Ibidem, стр. 63; Вас. Наз. ставилъ своею цѣлью нравственно вліять на учениковъ и съ этою цѣлью сочинилъ даже особый катехизисъ, отрывки изъ котораго пѣются и въ печати.

³¹⁾ Письмо къ губ. Бахтину („Рус. Стар.“, 1871, т. 3-й, стр. 358). Изъ одного письма къ Вас. Наз. видно, что онъ обращался къ учредителю и ректору земледѣльческаго училища въ г. Гофвилѣ Эмилію Фелленбергу съ предложеніемъ послать къ нему для обученія нѣсколькихъ мальчиковъ, по всей вѣроятности лучшихъ воспитанниковъ Кручанской школы; см. „Сѣв. Пчелу“ 1860, № 92.

³²⁾ „Сѣверная Пчела, 1860, № 92.

³³⁾ Приб. къ „Харьк. Губ. Вѣд.“ 1839, № 1, стр. 1—2.

³⁴⁾ Приб. къ „Харьк. Губ. Вѣд.“ 1839, № 34, стр. 234.

³⁵⁾ Приб. къ „Харьк. Губ. Вѣд.“ 1841, № 3, стр. 21—23.

³⁶⁾ „Моск. Вѣдом.“, 1842 г., № 101.

³⁷⁾ Жизнь и труды М. П. Погодина, Н. Барсукова, кн. 3-я, стр. 203—206.

³⁸⁾ Письмо М. П. Погодина къ Н. А. Лавровскому (ненанечатанное; автографъ переданъ мнѣ акад. Н. А. Лавровскимъ).

³⁹⁾ Жизнь и труды М. П. Погодина, Н. Барсукова, кн. 6-я, стр. 313—314.

⁴⁰⁾ Бецкій навѣстилъ Каразина въ 1841 г., по просьбѣ М. П. Погодина, и вынесъ неблагоприятное впечатлѣніе изъ этого посѣщенія: его непріятно поразила излишняя разговорчивость Вас. Наз. и онъ юмористически описываетъ ее въ письмѣ къ Погодину; см. Н. Барсукова. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 6-я, стр. 65—66.

⁴¹⁾ Приведенъ у Гр. П. Данилевскаго, стр. 109—110.

⁴²⁾ См. „Вас. Наз. Каразинъ и открытіе Харьк. университета“. („Жур. Мин. Нар. Просв.“ 1872, январь и февраль) и его же „Воспоминаніе о Вас. Наз. Каразинѣ“. („Жур. Мин. Нар. Просв.“ 1873, февраль).

⁴³⁾ „Жур. Мин. Нар. Просв.“ 1873, февраль, стр. 295.

⁴⁴⁾ Подобныя же матеріалы появились еще раньше (въ шестидесятыхъ годахъ) на страницахъ „Чтеній Моск. Общества Исторіи и Древностей“.

⁴⁵⁾ См. въ „Рус. Старинѣ“ 1875 г. (февраль, май, сентябрь, октябрь, ноябрь) статью подъ заглавіемъ „Вас. Наз. Каразинъ, основатель Харьк. университета“; она подписана такъ: „воспитанникъ Харьковскаго университета 20-хъ годовъ“; но содержаніе ея, а въ особенности сравненіе съ имѣющимися въ моихъ рукахъ письмами Филадельфа Васильевича къ Н. А. Лавровскому не оставляютъ никакихъ сомнѣній въ принадлежности ея сыну Вас. Назаровича.

⁴⁶⁾ Разумѣемъ прекрасную работу о. Ник. Лащенко „Вас. Назар. Каразинъ, какъ помѣщикъ с. Кручка“ („Харьк. Сборн.“ на 1887-й годъ) и замѣтку редакціи „Харьк. Сборн.“ по поводу ея (ibidem); ср. также записки Ярославскаго (тамъ же и въ болѣе полномъ видѣ въ „Кіев. Стар.“ за 1887-й г.); кое какіе матеріалы для біографіи Вас. Наз. и его отца напечатаны проф. Н. О. Сумцовымъ и мною въ „Сборникѣ Харьк. Историко-Фил. Общества“, т. 3-й.

⁴⁷⁾ См. мою рецензію на эту книжку въ „Кіевской Старинѣ“ 1891, іюнь, стран. 499—503.

⁴⁸⁾ Вопросъ заключался въ томъ, что Надаржинская родилась только 2 мѣсяца спустя послѣ законнаго брака своихъ родителей; но дядя (Кондратьевъ),

оснарявавший потомъ законность ея рожденія, называлъ ее все время племянницей; родители также считали ее законной своей наслѣдницей; см. Записки Г. Ром. Державина. М. 1860, стр. 452—454, 443—451.

⁴⁹⁾ См. „Харьковскій Сборникъ“ на 1887-й годъ и „Кіев. Стар.“ 1887 года.

⁵⁰⁾ Дѣло въ томъ, что В. Н. Каразинъ выпустилъ акціи Филотехническаго общества, которыя давали дивидендъ (впрочемъ изъ его собственныхъ средствъ); на этихъ акціяхъ химическимъ составомъ написанъ былъ тайный знакъ, указывавшій срокъ уплаты процентовъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующее объявленіе самого В. Н. Каразина: „за долгъ поставляется просить тѣхъ особъ дворянства и купечества, которые имѣютъ акціи, чтобы они не пропускали предъявлять ихъ въ назначенные сроки. Химическія чернила, конии написаны секретные на нихъ знаки, относительно къ срокамъ процентовъ, по прошествіи мѣсяца послѣ срока, сами собою начинаютъ обнаруживаться и слѣдовательно подвергають акцію сомнѣнію. Впрочемъ сіе обстоятельство теперь, при началѣ общества нашего, по малому еще числу акцій и по извѣстности особъ, у которыхъ онѣ большею частью находятся, конечно имѣть мѣста не можетъ. Само собою разумѣется, что мѣра сія изобрѣтена не для нынѣшняго первоначальнаго времени. Всѣ акціи признаются теперь имѣющими свое достоинство“... Вас. Наз. оказался тутъ просто непрактичнымъ: онъ, во 1-хъ, привялъ такую мѣру, въ которой на первыхъ порахъ, по его же словамъ, не было никакой надобности, а во 2-хъ, повидимому, не предусмотрѣлъ того, что знаки могутъ обнаружиться не во время, отъ теплоты карманной книжки, гдѣ ихъ носили; объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ прямо говоритъ Анастасевичъ. Филадельфъ Васильевичъ Каразинъ нѣсколько иначе объясняетъ цѣль этихъ тайныхъ знаковъ; въ письмѣ къ Н. А. Лавровскому онъ между прочимъ пишетъ: „акціи эти у меня сохранились; посылаю вамъ одну. Причина, по которой дѣлался въ клѣточкахъ знакъ химическими чернилами объяснена: „желаніе установить довѣріе публики и обезпечить капиталъ нашего общества сдѣлало необходимою сію мѣру“, сказано въ концѣ оборотной стороны. Сумма денегъ, внесенныхъ по акціи, могла быть различна, начиная отъ 100 руб.; писалась она въ продолговатомъ квадратѣ на первой страницѣ. Чтобъ устранить подлогъ, который не трудно было сдѣлать по простотѣ акцій, эта сумма или соответствующій ей знакъ, извѣстный Каразину, выставлялся на оборотной сторонѣ акціи секретными чернилами. Выводъ ихъ наружу доказывалъ несомнѣнно подлогъ. И эта прекрасная предосторожность истолкована, какъ фальшь Каразина!... Выпускъ акцій былъ обезпеченъ частью недвижимаго имѣнія Каразина, которое и было продано съ аукціона на удовлетвореніе кредиторомъ“... Очень вѣроятно, что В. Наз. своими тайными знаками преслѣдовалъ двоякую цѣль—и ту, о которой говоритъ самъ, и ту, о которой говоритъ его сынъ. Акція, отправленная Филадельфомъ Васильевичемъ Николаю Алексѣевичу Лавровскому, передана имъ мнѣ и хранится нынѣ въ числѣ другихъ документовъ Каразинскаго комитета; см. „Украинскую Старину“, стр. 169; Записка Анастасевича („Чтенія Моск. Общ.“, 1861, III, стр. 197); письма Филадельфа Васильевича къ Ник. Ал. Лавровскому переданы мнѣ этимъ послѣднимъ, за что мы и приносимъ ему глубокую благодарность.

⁵¹⁾ См. соч. В. И. Семева „Крестыанскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой пол. XIX в.“, т. 1-й; въ эпиграммѣ Воейкова В. Н. Каразинъ называется хамелеономъ.

⁵²⁾ „Рус. Старина“ 1871, т. 3-й, стр. 710—711.

⁵³⁾ См. мою статью „Назарій Александровичъ Каразинъ и его колоколь“ („Кіев. Старина“ 1892, декабрь).

⁵⁴⁾ „Рус. Старина“ 1871, т. 3-й, стр. 703—704.

⁵⁵⁾ Ibidem, стр. 716—717.

⁵⁶⁾ „Рус. Старина“, 1875, ноябрь, стр. 470—471.

⁵⁷⁾ Въ этомъ отношеніи любопытно письмо, написанное Вас. Назаровичемъ въ 1814 году извѣстному Аракчееву. Препровождая ему отчетъ Филотехническаго общества, Каразинъ писалъ: „можетъ быть, захотите сдѣлать мнѣ благодареніе сообщеніемъ Его Августѣйшему покровителю нашего общества, покровителю нѣкогда и моему, удостоивавшему меня милостей болѣе нежели обыкновенныхъ,— пока напоследокъ несчастное для меня стеченіе клеветы и собственной неосторожности... Не продолжаю, сіятельнѣйшій графъ, опасаясь залить слезами бумагу, на которой я пишу. Но и въ нынѣшнемъ положеніи моемъ я продолжаю тоже самое стремленіе, которое Имъ однажды было одобрено: „часъ отъ часу болѣе удостовѣряюсь, что мы съ вами согласуемся въ образѣ нашихъ мыслей и чувствованій. Продолжайте и будьте увѣрены, что я умѣю цѣнить подвигъ, влекущій васъ“. Вотъ драгоцѣнныя подлинныя слова одного изъ его писемъ ко мнѣ, маловажному Его подданному! Дѣйствіе ихъ продолжается донинѣ въ моемъ сердцѣ. Я иду впередъ съ малыми надеждами, безъ всякой донинѣ опоры, подвигаюсь медленно по путямъ, наполненнымъ стремлинами и терніями заросшимъ. Я льшусь придести нѣкогда, можетъ быть, не прежде какъ уже по смерти своей пользу дражайшему отечеству. И тогда уповаю быть оправданъ!...“ Н. Бочарова. Памяти В. Н. Каразина („Моск. Иллюстр.“ газета, 1892 г. № 307).

⁵⁸⁾ О живости чувства свидѣтельствуетъ письмо его къ супругѣ, писанное не за долго до смерти на 70-мъ году жизни; современемъ я его напечатаю.

⁵⁹⁾ „Москвитянинъ“ 1843, № 2, стр. 628—629.

